

НАТАЛЬЯ

АНДРЕЕВА

МЫ ПОЁМ
ГЛУХИМ

СТО СОЛНЦ В КАПЛЕ СВЕТА

Сто солнц в капле света

Наталья Андреева

Мы поем глухим

«Автор»

2014

Андреева Н. В.

Мы поем глухим / Н. В. Андреева — «Автор», 2014 — (Сто солнц в капле света)

ISBN 978-5-17-083091-6

Париж – законодатель моды и стиля. Бурная светская жизнь, интриги и дух свободы, который вот-вот превратится в Великую Французскую революцию. В нем сложно оказаться незаметной даже если ты прячешься под черным платьем вдовы. Александра приехала сюда, чтобы найти любимого человека. Ее сердце занято только им, этим женатым мужчиной, дуэлянтом, любимцем женщин и игроком! Но сердцу ведь не прикажешь! Кажется все ангелы наконец-то собрались, чтобы помочь этой красивой несчастной женщине: в нее влюбился самый богатый и знатный мужчина, она держит самый модный салон, и наконец-то находит своего любимого. Но в очередной раз в ее судьбу вмешивается проклятье камня «Сто солнц в капле света». А может быть это всего лишь предрассудки, и каждый идет к своему счастью тем путем, который выбрал сам?!

ISBN 978-5-17-083091-6

© Андреева Н. В., 2014

© Автор, 2014

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	14
Глава 3	25
Глава 4	34
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Наталья Андреева

Мы поем глухим

Роман

*Canimus surdis*¹

Глава 1

Париж

Эта осень в Париже выдалась такой холодной и дождливой, что главное событие сезона осталось незамеченным. Спустя некоторое время всем стало понятно, с какого именно момента скука, царящая в великосветских салонах, сменилась ожиданием, а потом нетерпением. Что-то должно было случиться, что-то из ряда вон, как говорится, *за рамками приличия*.

Но в тот дождливый пасмурный день Париж еще не знал, что становится театром, на подмостках которого разыгрывается очередная драма в духе Уильяма Шекспира, распалюющая фантазию и разжигающая воображение. Драма, о которой долго еще будут вспоминать, смакуя скандальные подробности и обсуждая неожиданные поступки главных ее героев.

Сезон начался раньше обычного, уже в середине октября намерзшая и вымокшая под непрерывными ливнями парижская знать потянулась на зимние квартиры – согреться телом и душой. Поскольку вернуться в столицу раньше ноября считалось дурным тоном, все сделали вид, что их просто-напросто здесь нет. И принимали исключительно людей своего круга, и то лишь самых близких друзей и родственников, которые также томились скукой в ожидании театральных премьер и зимних балов. Официального открытия у сезона не было, так что, в целом, все было вполне пристойно.

В тот октябрьский вечер, с которого все и началось, к особняку на улице Кассет подъехала карета, из которой вышла дама в трауре, закутанная с ног до головы так, чтобы никто не смог разглядеть ни ее лица, ни приятные округлости фигуры. Было совершенно непонятно, хороша она или дурна, молода или, напротив, преклонного возраста? Ясно было одно: дама эта принадлежит к высшему обществу. Как бы ни старался человек скрыть положение, которое он занимает, есть вещи, которые неизменно его выдают. Привычка к светской жизни на все накладывает отпечаток, избавиться от этого невозможно и забыть, кем ты был когда-то, невозможно тоже. Воспоминания – это либо ангелы, либо демоны, которые сопровождают душу до самой смерти, лишая ее покоя.

Дама из высшего света, вращавшаяся в нем когда-то и имевшая успех, приобретает некую особую манеру держаться в обществе, даже если это общество состоит лишь из ее кучера и камеристки. Движения этой дамы безукоризненны, спина остается прямой при любых обстоятельствах, тон, которым она говорит, всегда ровный, а в одежде нет ни единой небрежной детали. Даже веер, который она держит в руке, живет светской жизнью, общаясь на равных только с флаконом духов, который висит на тончайшей цепочке на браслете у дамы и тоже прекрасно осознает свое особое положение. Ведь и веер, и флакон становятся предметом вожделения мужчин, жадно следящих за ними в надежде угадать истинные чувства их владелицы. Ибо, когда тон не меняется даже в моменты чрезвычайного волнения, особым красноречием обладают жесты.

И никто ни при каких обстоятельствах не посмеет заговорить с такой дамой, как, скажем, разговаривают с гризеткой. Даже грабитель, остановив такую даму в месте, где она не должна была бы появляться, почтительно снимет шляпу и деликатно попросит отдать ему кошелек.

Опираясь на руку своего кучера, дама вышла из кареты и, не говоря ни единого слова, скрылась в дверях мрачного дома. Но лакей, случайно подошедший в тот момент к окну, удивленно присвистнул:

– Ого!

Дело в том, что этот дом, довольно большой, делился на два крыла. Оба помещения были абсолютно обособлены, левое крыло занимал испанский дипломат, человек угрюмый и замкнутый. Остряки говорили, что он и спать ложится в сюртуке, застегнутом на все пуговицы, и непременно с орденом Почетного легиона на шее, пожалованным ему Луи-Филиппом за особые заслуги перед Францией. Король обожал устраивать браки своих родственников, в особенности испанские браки, за что его в конце концов все возненавидели. Но зато испанский дипломат был при дворе на особом счету и даже во сне опасался забыть об этом и принять неподобающее выражение лица.

Вот со второго этажа левого крыла смазливый молодой лакей, нанятый недавно на службу к важному испанцу, и заметил, что правое крыло тоже не будет отныне пустовать. Молодой человек, который, вследствие своего возраста и приятной наружности, не мог пропустить ни одной юбки, попытался было разглядеть подробности, но тщетно. Двор был мрачный и весь зарос вековыми деревьями, которые давали огромную тень. Лучшее убежище трудно было придумать, если кто-то хотел сохранить свое инкогнито.

Лакей отчего-то разволновался и долго еще стоял, словно пытаясь выдать лбом стекло и вглядываясь в сумерки. Пока ему справедливо не указали на то, что он нанят отнюдь не бездельничать.

В это время в окнах второго этажа другого крыла зажегся свет. Дама устала с дороги и пожелала лечь спать. Перед сном она долго лежала, не смыкая век и глядя в темное окно, слушала шум дождя. Ничто не напоминало ей о том, что она в блестящем Париже. Мрачная улица, мрачный двор, мрачный сосед, о котором дама навела справки перед тем, как въехать. Все, что подобало ее положению. Изгнание и вдовство. А ведь она была еще так молода!

– Вот тебе и Париж, – грустно сказала графиня Ланина и закрыла глаза.

Она твердо решила вести уединенный образ жизни, простой и скромный, знакомства ни с кем не искать, визитов не делать, прогулки совершать исключительно в вечернее время, уже в сумерках, и ограничиться услугами одной лишь горничной, кухарки и кучера. Никаких излишеств и никакой роскоши. Жить, как подобает иностранке, вдове, имеющей тысячу десять ренты, не больше, и одну лишь карету для выездов, соответственно одну только лошадь в конюшне.

«Грехи надо искупать», – подумала Александра, засыпая.

Буквально через месяц о ней уже говорил весь Париж...

...В фойе Итальянской оперы, как всегда, было не протолкнуться. Давали «Дона Паскуале», этот хоть и спорный, осуждаемый всеми за легкомыслие сюжета, но, безусловно, очередной шедевр маэстро Доницетти. Итальянцы давно и прочно вошли в моду еще при восхитительном Россини, который хоть и не проявил себя как директор театра, но зато написал в Париже «Вильгельма Телля», тем самым доказав, что он истинный парижанин, а национальность по рождению значения не имеет.

После того как Реставрацию сменила Июльская монархия и на французский трон вошел король-гражданин Луи-Филипп, для Итальянской оперы в Париже наступили счастливые времена. Она была в меру легкомысленна, соответственно моменту демократична и богата на сюрпризы. Чего еще надо публике, ищущей в первую очередь развлечений и жадной до зре-

лица? Именно у Итальянцев подобралась блестящая труппа, поэтому сюда устремились все лучшие композиторы Европы, сказав: «Вена подождет».

Итальянский театр по праву считался самым элегантным, поэтому не бывать там значило прослыть провинциалом, человеком, отставшим от моды и от жизни.

Для парижской знати театр давно уже стал святилищем, для посещения которого, так же как и для визитов в церковь, существовали определенные дни. Так, к Итальянцам было принято ходить по вторникам, четвергам и субботам. В воскресенье высшее общество театр игнорировало. Воскресный день в Париже принадлежал черни, она заполняла улицы, забивала кафе на бульварах, до отказа заполняла галерку и даже просачивалась в партер. Предприимчивые дамы из высшего общества, с не столь безупречной репутацией, именно воскресный день сделали приемным, дабы их салоны до отказа заполнялись знатными гостями. Все равно по воскресеньям в театр никто не ездил.

Хорошим тоном считалось иметь у Итальянцев ложу, где сидели дамы и делали вид, что слушают оперу. Мужчины же этим не утруждались, они переходили из ложи в ложу, словно пчелы, собирающие мед со всех сколь-нибудь привлекательных цветков. И сами источали медовую лезть, а порою больно жалили, в основном, конечно, своих соперников. Но доставалось и дамам. Предметом обсуждения были их внешность и туалеты. А также любовники.

В тот вечер группа молодых людей задержалась в фойе между первым и вторым действием. Эти господа являлись самыми завидными женихами во Франции, поскольку все они были хорошего рода и богаты. Браки в Париже устраивались в Опере, не в церкви. Где, как не у Итальянцев, можно было разузнать, каково на самом деле приданое невесты и есть ли средства у жениха? По тому, кто вхож в ложу, скажем, графини де Боань, можно было с уверенностью сказать, будут ли приняты новобрачные в аристократических салонах Сен-Жерменского предместья, где томятся сторонники изгнанного короля? Или же путь этой супружеской пары лежит напрямик в предместье Сент-Оноре, где теперь селились лишь те, кто поддержал короля нового, которого еще называли королем-гражданином. Между кланами «старых» и «новых» придворных шла непримиримая война, они друг с другом едва раскланивались, и, прежде чем жениться, молодой человек из общества должен был выяснить, каковы политические симпатии родителей его невесты? А для этого стоило поехать к Итальянцам.

Но сегодня предметом обсуждения блестящей молодежи было не это. Не политика, не одна из первых красавиц высшего света герцогиня К* и ее гости. И даже не ее новый любовник, поскольку старого она недавно бросила. Речь шла о даме, которая вот уже месяц являлась главной загадкой Парижа.

– Сегодня вторник, – констатировали молодые люди, собравшись в фойе. – Она появляется здесь по вторникам и субботам, и никогда по четвергам. И еще ни разу ее не видели на Елисейских Полях, на прогулке. Хотя, быть может, она предпочитает Венсенский лес? Надо подкупить ее кучера.

– Я, пожалуй, спущусь в партер, – взволнованно сказал белокурый маркиз де Р*. – Она сидит в ложе бенуара, достаточно глубокой, чтобы там спрятаться. Я пытался разглядеть ее из бельэтажа, со второго яруса, но тщетно. Хотя у меня в руке был бинокль. Но он не может передать все очарование красоты этой таинственной незнакомки.

– И не поможет с ней заговорить, – подхватил молодой герцог Б*. – Но другого средства определить, кто она такая, увы, нет. Только как пытаться разглядеть ее в бинокль. Это, безусловно, дама из высшего общества, так почему она нигде не бывает? А главное: почему прячется?

– Я разглядел только роскошные волосы медового цвета и восхитительные плечи, – возбужденно сказал маркиз. – Она, определенно, иностранка. В Париже нет таких красок, это, скорее, краски Севера. Но для северянки тон ее кожи слишком теплый. Эта дама похожа на

солнце, которое восходит поутру из пены облаков. Оно не опалает, но ласкает. Мне бы хотелось разглядеть ее во всех подробностях.

– Берегитесь, Анри! – рассмеялся герцог, который, в отличие от приятеля, уже был помолвлен. – Вы, похоже, успели влюбиться, причем в облако, окутывающее мраморную статую. А вдруг на ней трещины? Вдруг она прячет в глубине ложи свои бородавки?

– Я сейчас это проверю! Господа, я иду в партер!

Ложа бенуара, в которой сидела таинственная незнакомка, располагалась в самом низу, даже ниже, чем партер. Дама, похоже, увлеклась происходящим на сцене, поэтому облокотилась на барьер и подалась вперед, слушая восхитительный квартет: «Voglio, per vostra regola!»². Дон Паскуале собрался жениться, и только что был подписан брачный договор. Старик еще не знал, что это не более чем шутка и договор фальшивый. Его убеждали племянник Эрнесто, его любовница Норина и друг Малатеста. Этот квартет так заинтересовал таинственную даму, что она выдвинулась из глубины своей ложи, облокотилась на барьер и дала маркизу себя рассмотреть.

Они встретились взглядами, и маркиз учтиво поклонился. Дама вынуждена была ответить. Между вторым и третьим действием взволнованный маркиз сообщил приятелям о своем открытии:

– Инкогнито белокурой дамы раскрыто, господа! Она действительно иностранка, русская графиня Ланина. Я был представлен ей года три назад, в сезон рождественских балов. Тогда она еще не была в трауре, а ее муж, как все говорили, был сказочно богат.

– Выходит, она богатая вдова?

– Богатые вдовы, Поль, ведут себя иначе. Но скоро я все разузнаю. Графиня мне кивнула, давая понять, что узнает меня. Следовательно, я могу с ней заговорить.

– Вы пойдете к ней в ложу без приглашения?!

– Нет, но я могу подойти к графине в фойе. И попытаться возобновить знакомство.

– Если вы сумеете стать ее любовником, Анри, вам будет завидовать весь Париж! Обещайте, что с полудня графиня будет принимать ваших друзей в своем будуаре, ее красота вполне ей это позволяет, что вы устроите блестящий салон, и мы наконец собьем спесь с этой невыносимой мадам де Боань! Лучшие остроумия мы будем приберегать для русской красавицы и ездить к ней чаще, чем к другим. Графиня де Боань в конце концов останется в гордом одиночестве.

– Поль! Вы помолвлены с ее племянницей!

– Да, но это не обязывает меня пять раз в неделю выслушивать колкости, которыми графиня осыпает своих мнимых врагов! По-моему, она ищет интригу там, где ее нет, я боюсь, как бы она и мой брак не расстроила!

– Да уж, характер у мадам де Боань стал невыносимый с тех пор, как жители Сен-Жерменского предместья перестали бывать при дворе! Она возненавидела всех, кто имеет влияние на нового короля и на политику!

Сойдясь во мнениях насчет характера графини де Боань, молодые люди наконец разошлись. Герцог Б* отправился в ложу к своей невесте, а маркиз де Р* в засаду, поджидать, когда графиня Ланина покинет свое убежище и появится в фойе. Ждать ему пришлось недолго. Видимо, счастливый финал графиню не интересовал. В половине десятого она, так и не дослушав оперу до конца, выскользнула из бенуара и попыталась незамеченной пробраться к выходу. Но маркиз был начеку.

– Мадам, я вижу, вы меня узнали, – как можно учтивее поклонился он, боясь спугнуть такую пленительную дичь. Маркиз уже начал охоту.

² К вашему сведению, я требую!

– Прошу простить мне мою спешку, сударь, но меня с утра мучает мигрень. – Александре не терпелось от него избавиться, она уже жалела, что ответила на поклон, признав, таким образом, их знакомство.

– Я вижу вы в трауре.

– Да, я теперь вдова. Поэтому веду уединенный образ жизни.

– Но при вашем состоянии и вашей красоте это можно счесть неприличным.

– У меня больше нет состояния, – грустно улыбнулась Александра. – Я изгнанница.

– Тогда тем более, мадам! – с энтузиазмом подхватил маркиз. – Вам не стоит прятаться! Хотите, я опять введу вас в лучшие парижские салоны? Там вы без труда составите блестящую партию. Вас подзабыли за те годы, что вы здесь отсутствовали, но быстро вспомнят, я в этом уверен.

– Благодарю, но замужество меня не интересует, – довольно сухо сказала графиня. – Вам не кажется, что наш разговор вышел за рамки приличия? Я вынуждена вас оставить...

– Но хоть чем-то я могу вам помочь, мадам? – жалобно воскликнул маркиз, чувствуя, как дичь ускользает. И судьба над ним сжалилась.

– У меня и в самом деле есть небольшое затруднение, – вдруг улыбнулась графиня. – И вы первое знакомое лицо, которое я увидела в Париже, к тому же вы со мной заговорили. Пожалуй, я доверю свое дело вам. О нет, оно не касается финансов! Я ищу одного своего родственника, но не знаю, как приступить к этому делу. К кому обратиться? Я плохо знаю местные нравы и боюсь совершить ошибку. Мне вовсе не хочется, чтобы меня отсюда выслали, потому что мне больше некуда податься. Что вы мне посоветуете?

– Ни полиция уголовная, ни полиция политическая вам здесь не помогут, мадам. Административные лица слишком дорожат своим местом. К тому же вы иностранка. Вот если бы речь шла о покушении или о крупной краже... – При этих словах графиня Ланина еле заметно вздрогнула. – Тогда вся парижская полиция была бы к вашим услугам. Главное их занятие – это разоблачать заговоры. На нашего короля уже было совершено два покушения, причем в последний раз пуля пролетела буквально в сантиметре от головы монарха. За это дело полиция ухватится тут же, чтобы предотвратить какую-нибудь очередную *революцию*. Но частное дело, такое, как поиск родственника... – маркиз с сомнением покачал головой. – Нет, за это не возьмется никто. Вас вряд ли выслушают до конца, если вдруг вы вздумаете поехать со своим делом в префектуру.

– Но что же мне делать? – погрустнела Александра.

– К счастью, я близко знаком с министром, мы с ним в родстве, хоть и дальнем, а министр может надавить на префекта. Есть тайные агенты, которые отошли от дел, но не прекратили свою деятельность.

– Как это понимать?

– После переворота многие, кто процветал при Карле X, остались не у дел. Иначе говоря, вышли в официальную отставку. Но их ценность для государства не вызывает сомнения. На службе они больше не состоят, но занимаются сбором информации.

– А! Так это шпионы! – сообразила Александра.

– За деньги они душу дьяволу готовы продать, поскольку вечно нуждаются в средствах.

– Что ж... Я готова заплатить. Видите ли, маркиз, мое дело связано с наследством... И я надеюсь не только вернуть эти деньги, но и поправить свое положение. Поэтому в обещаниях не стесняйтесь.

– Понимаю. Я уверен, вам можно помочь, – внимательно посмотрел молодой человек на свою собеседницу. – Вы найдете того, кого ищите, – со значением сказал он. – Через три дня я дам вам ответ. Где я могу вас встретить?

– Я обычно гуляю в Булонском лесу с девяти вечера, либо с десяти, если еду в этот день в театр, и дышу свежим воздухом почти до полуночи. С некоторых пор я люблю одиночество, поэтому и не езжу туда днем.

– Хорошо, – кивнул маркиз. – Встретимся там, и я сообщу вам, что мне удалось сделать.

– Я вам так благодарна! – графиня наконец улыбнулась, уже без печали, как человек, который получил надежду.

Маркиз тоже просиял. Дичь не дала себя подстрелить, но и не спряталась в лесу. У молодого человека тоже появилась надежда. Надежда на то, что знакомство с прекрасной графиней станет более близким. В самом деле, лакомый кусочек, молода, красива, да к тому же вдова. Богатый старый муж больше не будет никому мешать. Маркиз прекрасно помнил это пугало: весь вид графа Ланина не оставлял сомнений в том, что он не просто ревнивец, каких много. Влюбленный по уши в свою молодую жену, он все готов был сделать для ее счастья, кроме того, чтобы сделать ее по-настоящему счастливой. Позволить ей любить того, кого она хочет. Но, видимо, граф понял свою ошибку, потому что очень вовремя умер. Его вдова сейчас в том возрасте, в котором женщина обладает особым очарованием. Она еще молода, увядание пока ее не коснулось, зато ее красота приобрела ту зрелость, можно даже сказать, искушенность, которая сводит мужчин с ума. Она чувствительна, но не вульгарна, торжествующая, но не вызывающая. Она поистине царственная, эта ее красота.

Поэтому маркиз поспешил воспользоваться случаем. Уже на следующий день он имел беседу с министром о деле прекрасной русской графини.

Александра впервые за этот месяц быстро заснула и крепко спала до самого утра. Она и впрямь не знала, к кому обратиться. С чего начать поиски Сержа?

Все лето она провела на водах, сначала в немецком Бадене, потом во французском Дьеппе, в надежде встретиться там с Соболинским. Столица Франции летом совершенно пустела, в ней оставались только пролетарии да любопытные провинциалы, которые совсем не понимали Парижа. Приехав туда летом, они думали, что вот это и есть Париж, и испытывали при этом страшное разочарование.

Для светского же молодого человека показаться в столице летом было недопустимо. Даже если у него не было денег, чтобы уехать на воды, он предпочитал прятаться ото всех, выходить из дома только в темноте и, случайно столкнувшись с кем-нибудь из знакомых, делать вид, что его с кем-то спутали.

Искать в Париже Сержа в это время года было бессмысленно, поэтому Александра и отправилась в самое модное место: в Баден. Там она узнала, что с некоторых пор сначала жители аристократического Сен-Жерменского предместья, а потом и аристократия финансовая с Шоссе д'Антенн предпочитают ездить на воды в Дьепп. Серж ведь был игрок; оставшись без средств, он наверняка решил разжиться деньгами за карточным столом. А где, как не в Дьеппе, летом шла самая крупная игра?

Приехав туда, графиня Ланина испытала страшное разочарование. Сколько ни ходила она по берегу, высматривая Сержа среди купающихся в панталонах до щиколотки и фуфайках с короткими рукавами мужчин, но все ж это были не те руки и не те щиколотки, которые она искала. В Дьеппе, в отличие от чопорного Бадена, было оживленно и весело. При отливе блестящие молодые люди устраивали скачки прямо на пляже, а выйдя из воды, эти изнеженные аристократы поспешно кутались в дорогие халаты и надевали на голову колпаки.

Александра невольно улыбалась, вспоминая свою родину. Поистине эти французы понятия не имеют, что такое холод! Сама она охотно купалась, а после этого просто подставляла лицо и руки жаркому летнему солнцу, от которого ее кожа приобретала золотистый оттенок. Поскольку бывать в свете Александра не собиралась, она могла не стесняться загара. Зато

солнце ее оживило, помогло справиться с грустью, которая одолевала графиню с тех пор, как она стала вдовой.

Потом она сообразила, что привлекает всеобщее внимание. Особенно пристально наблюдали за ней все эти мужчины в колпаках и халатах. Но, к счастью, их внимание отвлекла дама еще более экзотическая: похожая на ворону черноволосая и смуглая испанка, которая купалась в шубе, да еще в придачу к ней – в меховой муфте!

Разочаровавшись в Дьеппе, графиня Ланина покинула его в начале сентября. Потом ее путь лежал в Италию, уже без всякой надежды встретить там Сержа. Она поехала в Венецию, оттуда во Флоренцию, нигде подолгу не задерживаясь. И наконец, в середине осени, Александра облюбовала для дальнейшей своей жизни Париж. Дом был выбран наугад, главным условием выставлялось полное уединение. Но потом Александра сообразила: «Так я *его* никогда не найду».

Соболинский как в воду канул. «Жив ли он? – волновалась она. – А может, угодил в долговую тюрьму?» Она чувствовала свою вину за то, что разбила жизнь обоим – и мужу, и любовнику, которого искренне считала своей второй половинкой. Теперь Алексей Николаевич мертв, Серж – бог знает где, а ее гложет тоска.

Оставалось только прибегнуть к услугам полиции, но, как выяснилось, им было не до этого. Александра вовсе не собиралась близко сходить с маркизом, она уже угадала его намерения. Но он был ей нужен, потому что поиски Сержа Соболинского зашли в тупик. Александра мало знала о жизни во Франции, где пребывала когда-то, старательно опекаемая мужем, который был намного ее старше, побаивалась Парижа, она была иностранка в чужой, мало-знакомой стране, теперь уже совсем одна, и оставалось надеяться на случайную встречу. Но сколько придется ждать? Быть может, всю жизнь? Ведь Сержа уже могло не быть в живых. Александра должна была знать это наверняка.

Поэтому через три дня она в волнении прогуливалась в Булонском лесу, ожидая маркиза де Р*. Уже было темно, но Александра только радовалась этому. Ей не хотелось, чтобы на нее обращали внимание. Наконец она услышала, как подъехала карета.

Маркиз пересел к ней в экипаж, теперь она чувствовала его дыхание, ощущала запах, исходящий от его одежды. Маркиз был само воплощение парижского *стиля*, выросший в свете, вращающийся в самых аристократических салонах, этот молодой человек усвоил привычку говорить, не смущаясь, на самые пикантные темы и при этом не опускаться до пошлости.

Без сомнения, он воспринял эту встречу как любовное свидание, и теперь Александра гадала, как дать ему понять, что романы ее не интересуют? Маркиз был приятным молодым человеком, с безупречными манерами и, видно, со средствами. В ожидании подходящей партии он заводил себе любовниц из замужних дам, выбирая самых красивых. С такой внешностью и с такой родословной он вполне мог себе это позволить. Александру слегка разозлила его самоуверенность.

– Я говорил с министром о вашем деле, графиня, – весело сказал маркиз. – А сегодня я имел беседу с префектом. Весьма краткую, потому что мне не о чем говорить с чиновниками, но ради вас... – он сделал многозначительную паузу. Александра молчала. – Так вот: вам приискали подходящего человека. Будьте завтра в семь вечера на Елисейских Полях. Сначала сверните на улицу Мариньи, потом последуйте на авеню Габриэль. Оставьте экипаж и двигайтесь по ней пешком, пока вас не окликнут.

– Боже, какая таинственность! – усмехнулась Александра. – Да кто он, этот ваш... сыщик?

– Префект сказал, что на него можно целиком и полностью положиться, мадам. А этот *полицейский* хорошо знает свою агентуру.

– Я вам так благодарна, маркиз... – она почувствовала, как он приблизился.

– Как долго вы собираетесь пробыть в Париже? – услышала она вкрадчивое.

- Пока не найду своего... родственника.
- Но поиски могут затянуться.
- Возможно.
- Доверьтесь мне, мадам. Я вижу, у вас какая-то тайна.
- Мы не настолько близки.
- Но я могу рассчитывать на сближение?

Она заколебалась. Оттолкнуть его? Это было бы невежливо. Ведь он ей помог. Пусть из своих, корыстных, целей, но без него она оказалась бы в тупике. Лишать его надежда было бы нечестно. И потом: они могут быть друзьями.

– Я отвыкла от Парижа, потому что давно уже здесь не была. Много, должно быть, изменилось так же, как изменилась мода. Что теперь здесь принято, а что нет? – с улыбкой спросила она.

– Париж! – маркиз откинулся на спинку сиденья и тихо рассмеялся. – О, Париж! Если здешняя дама заботится о приличиях, она рискует прослыть синим чулком. Когда она принимает гостей в своем салоне, ее мужу там появляться неприлично. Это могут себе позволить только какие-нибудь *буржуа*, выставлять напоказ супружеские чувства. Муж этой знатной дамы в это же время отпускает остроты по поводу гостей своей жены в другом салоне. Главное, чтобы супруги принадлежали к одной партии и жили бы в месте, которое ясно указывает на принадлежность к этой партии. Так, если вы ортодоксальная роялистка, сторонница изгнанного короля, не вздумайте селиться на Шоссе д'Антенн, вас там не поймут. Я вам больше скажу: если молодой человек с Шоссе д'Антенн со своими модными словечками и безапелляционными суждениями нагрянет к родителям своей невесты в чопорный квартал Марэ, он рискует в итоге остаться без невесты.

– Значит, если я не желаю иметь любовника, мне стоит навсегда поселиться в Марэ? – намекнула она.

– Мадам, вы разбиваете мне сердце! В Марэ не живут, там себя хоронят! Но вам-то зачем это надо? Вам, с вашей ослепительной красотой, такой молодой и полной жизни! Да вы и есть сама жизнь!

– А если я скажу, что разочаровалась в любви?

– А кто из нас в ней не разочаровался? Посмотрите на меня. Перед вами сидит самый разочарованный на всем белом свете человек! – весело сказал маркиз. – Причем разочарованный абсолютно во всем. Уверяю вас, объединив оба наших разочарования, мы станем самыми модными в Париже людьми, потому что здесь не принято быть счастливыми. Счастье здесь все прячут, мадам, в то время как разочарование выставляют напоказ. А вы интригуете всех: вы прячете свое разочарование. Да с этим надо блистать! Я теперь понимаю, почему о вас уже говорит весь Париж! Париж чувствует кровь, как стая гончих чувствует дикого зверя, которого собирается затравить. Париж уже идет по вашему следу. Вы можете спастись от него, только лишь став счастливой. И тогда вас оставят в покое.

– Вы меня заинтриговали, сударь. До сих пор я была уверена, что поступаю правильно, делая все для того, чтобы остаться незамеченной. Оказалось, напротив.

– Вам нужен наставник и советчик. Раз вы теперь вдова, – вкрадчиво сказал маркиз. – Не гоните меня. Я вас не тороплю. Но, прежде чем сменить квартиру, посоветуйтесь со мной. Париж – это галактика, у которой нет центра. Здесь есть пять-шесть сотен человек, которые решают все. Общественное мнение составляется в салонах, мадам. А салон – это женщина. Имя и адрес. Вы не можете долго скрываться. Вам придется открыть двери своего дома либо уехать.

– Но пока я не определилась, чью сторону мне принять, прошу вас не афишировать наше знакомство. Никому не говорите, что мы виделись. Возможно, скоро я приму вас вполне официально у себя дома. Если найду средств на то, чтобы устраивать приемы.

– Так делайте долги! Все живут в долг, а под вашу красоту вам охотно ссудят любую сумму. Это все равно что поместить деньги в самый надежный банк. Одно ваше слово – и важная сделка будет заключена. Назначение, которого какой-нибудь мелкий дворянин так долго добивался, случится в одну секунду. Решение судейского будет принято в пользу того, на кого вы укажете. Все эти маленькие услуги стоят больших денег, мадам. В Париже можно прожить и без них, если иметь полезные знакомства. Но я вижу, что утомил вас. Спешу откланяться. Я буду каждый день, по возможности, прогуливаться здесь в надежде вас застать. Смею думать, что я заслужил это право.

Маркиз легко соскочил с подножки и подозвал свой экипаж.

– На улицу Тетбу! – велел он кучеру. – К мадемуазель Бокаж!

«И что же мне делать? – грустно подумала Александра. – Мне придется найти себе покровителя, чтобы остальные не докучали. Женщина без мужчины – это пища для сплетен. Дама из высшего общества непременно должна иметь официального любовника, иначе ей припишут множество тайных. И будет только хуже. Начнут задумываться: а зачем она здесь? просто живет? Но это можно делать и в провинции. А если человек приехал в Париж, значит, у него есть дело. Мое дело не требует огласки. И мне надо подумать, как это устроить».

Глава 2

Загадочный агент, которого порекомендовал ей сам префект, Александру заинтриговал. Все было обставлено с такой тайной, будто сам король инкогнито решил помочь прелестной русской графине в ее поисках.

Как и было указано, Александра оставила экипаж на углу улицы Марины и Габриэль и, не спеша, пошла дальше пешком, делая вид, что наслаждается прогулкой. Дождь наконец прекратился, в воздухе пахло той самой гнилой осенней сыростью, которая напоминает о скором приходе зимы, когда листва уже опала с деревьев и облепила тротуары, словно обрывки оберточной бумаги. А само содержание коробки оказалось весьма неприглядным. Но хотя бы не было дождя.

– Видимо, мадам, я дожидаюсь вас, – услышала графиня Ланина простуженный бас.

Она обернулась и увидела толстяка в поношенном зеленом фраке, в нелепейших панталонах из плотного полосатого шелка и чулках неопределенного цвета. Вид у рекомендованного графине агента был затрапезный, казалось, что все детали своего наряда он выдергивал наугад из кучи тряпья, приготовленного на выброс каким-нибудь внезапно разбогатевшим буржуа. На этого толстяка Александра подумала бы в последнюю очередь, что он сыщик. Лицо его формой напоминало грушу, что придавало ему необычайное сходство с королем Луи-Филиппом, на которого парижские газетчики, несмотря на преследования властей, беспрестанно рисовали злые карикатуры. Особо на этом лице выделялся нос, длинный, но в своем окончании похожий на картофелину. К тому же он был красным, этот огромный нос. На голове у толстяка красовалась смешная круглая шляпа. В конце концов взгляд Александры уперся в объемный живот. Она почувствовала глухое раздражение. Перед ней был фат, да что там фат! Настоящее чудище!

– Разрешите отрекомендоваться, – почтительно поклонился толстяк, коснувшись двумя пальцами уродливой шляпы. – Месье Дидон. Базиль Дидон. Для своих я папаша Базиль.

Александра чуть не расхохоталась. Трудно было представить фамилию, которая более подходила бы ему! Дидон в переводе с французского означало индюк. А имя Базиль имело толкование «король». Король Индюк! Если не принимать во внимание, что у французского существительного *dindon* имеется и другое значение: глупец, дурак.

– Вы уверены, что ищете именно меня? – сердито спросила графиня.

– Это вы ищете меня. И смею сказать, вам повезло, что у меня появилось свободное времячко, чтобы заняться вашим делом! Ведь вы ищете мужчину. Обманывая при этом других мужчин и говоря им, что ищете родственника. Дельце тонкое и, как я понимаю, хе-хе, чрезвычайно деликатное, – хитро посмотрел на нее папаша Базиль.

– Откуда вы знаете, кого именно я ищу?! – потрясенно спросила Александра.

– Молодая красивая женщина из высшего общества ведет уединенный образ жизни, говоря всем, что стеснена в средствах. В то же время на ней бриллианты, равные которым вряд ли сыщешь во всем Париже. И они, эти бриллианты, не в ломбарде, а у нее, простите, на нежной шейке. А еще «нуждающаяся» снимает литерную ложу у Итальянцев, причем в бенуаре. А еще...

– Довольно... Я вижу, вы человек наблюдательный.

«По крайней мере, дураком его не назовешь, – подумала Александра. – Уже хорошо».

– Так вы меня нанимаете?

– Да. Выбора у меня нет, так что... – она тяжело вздохнула.

– Не сомневайтесь, мадам, мне вы смело можете доверить все свои секреты! Папаша Базиль – это могила! Уж сколько дамских тайн похоронено вот здесь, – и месье Дидон ткнул пальцем в грязный жилет, видимо, подразумевая при этом свое сердце.

– Мне здесь изложить свое дело или... – она обвела взглядом почти что пустынную улицу.
– Местечко подходящее, да не совсем. Тем более отныне мы с вами будем видеться часто. Мне же надо докладывать вам как можно чаще о результатах своих поисков. Это вас успокоит, мадам.

– Да с чего вы взяли, что я волнуюсь?!

– Вы не просто волнуетесь, мадам, вы в нетерпении. Видать, этот *щеголь* здорово вас зацепил.

– Допустим, что так.

На самом деле у графини была еще одна миссия в Париже, кроме поисков Сержа Соболинского, но она сочла, что говорить об этом с папашей Базилем пока еще рано.

– У вас есть горничная? – спросил тем временем месье Дидон.

– Разумеется. Я привезла ее из России.

– Возьмите еще одну, француженку. У такой красивой дамы, как вы, должен быть с десяток горничных, иначе мужчины вам этого не простят. Они хотят вами любоваться, мадам, поэтому берегите свои нежные ручки. Если вы мне доверяете, я пришлю вам подходящую девушку. Мало того: я сам к вам ее приведу. Давайте объявим всем, что у нее есть дядюшка. Девушка осталась без отца и нуждается в покровительстве. А я пообещал своей покойной сестре блюсти нравственность своей племянницы, – папаша Базиль сделал вид, что смахнул слезу. Александра вынуждена была признать, что он замечательный актер. – Так вот: я часто буду навещать свою крошку. И под этим предлогом заглядывать к вам. Ведь вы живете на улице Кассет?

– Да, пока не подыскала новое жилье. По совету маркиза де Р*.

– А я бы посоветовал вам держаться подальше от маркиза. Наверняка он предложил вам улицу Тетбу. А вы возьмите да и поселитесь в Сент-Оноре. Это местечко, где селятся либералы, в свое время немало поживившиеся со стола Буонапарта, да еще иностранцы, всякие там послы и их любовницы. И ваш замухрышка маркиз носа не посмеет показать у вас в салоне. Потому что его предков благородных кровей почти что всех гильотинировали вместе с королем во время Первой Республики, а Буонапарта они, эти зазнайки Р*, считают узурпатором. И будут считать, пока всех их не перережут, как курят.

– Спасибо за совет, – улыбнулась Александра. – Похоже, и моя нравственность беспокоит вас не меньше, чем нравственность вашей племянницы. Так я жду вас завтра?

– Я ж говорил, что вам, мадам, не терпится, – проворчал папаша Базиль. – Ну, так и быть. Приду завтра, – неожиданно грубо сказал он и повернулся к Александре спиной.

Она была шокирована таким нахальством, но быстро остыла. У каждого светского человека, широко открывающего двери своего дома для высородных гостей и гордящегося своей собственной родословной, есть тайна, которую он прячет в задних комнатах или вообще в пыльном чулане. И для того, чтобы улаживать свои темные делишки, ему, этому светскому человеку, нужен такой вот папаша Базиль. Который быстренько договорится с ростовщиком об отсрочке долга, состряпает поддельный вексель или раздобудет *подставное лицо*, на которое можно спихнуть хоть все семь смертных грехов. А тот, кто его нанял, останется в белых перчатках.

«Я-то чем лучше? – горько улыбнулась она, садясь в карету. – Я ищу мужчину, который меня бросил. Сбежал, и бог знает где он теперь? С кем?...»

На следующий день, около полудня, папаша Базиль привел на улицу Кассет просто и скромно одетую девушку. Александра еще раз убедилась в том, что месье Дидон блестящий актер. На этот раз он оделся, как какой-нибудь канцелярский, в строгий темный сюртук, застегнутый на все пуговицы и унылые брюки, да и выражение лица у г-на Дидона было соответствующее: брезгливое и чопорное.

– Не думаю, Тереза, что нам это подойдет, – проворчал он, оглядывая выдержанную в темных тонах гостиную графини Ланиной и задержав свой взгляд на хозяйке. – Дамочка уж больно хороша, наверняка здесь будут крутиться все эти щеголи с Шоссе д’Антенн. А эти не пропустят ни одной юбки.

– Не беспокойтесь, месье, я присмотрю за вашей племянницей, – невольно улыбнулась Александра. – Работы много, так что скучать ей не придется.

– Терезе надобно приданое, жених-то уже есть. Запомните, мадам, она *порядочная девушка*.

«Кто же она на самом деле? – гадала Александра, разглядывая Терезу, упорно не поднимающую глаз на свою новую хозяйку. – Очень хорошенькая, хотя и хочет казаться простушкой».

У девицы был острый носик, весьма пикантный, миндалевидные карие глаза, рыжеватые волосы, и вообще ее лукавое личико напоминало мордочку лисички. На вид ей было лет двадцать или чуть больше. Вдруг Тереза подняла глаза, и графиня едва не рассмеялась. Похоже, девица уже побывала «замужем», и не раз. Та еще плутовка!

– Я ее беру! – весело сказала Александра.

– Ступай, Тереза, мы с госпожой графиней покамест обговорим твоё жалованье, – велел папаша Базиль, и девица тут же исчезла.

– Кто она? – с улыбкой спросила Александра.

– Не беспокойтесь, мадам, девица обязана мне по гроб жизни, я вытащил ее из такой глубокой и грязной канавы, что обратно туда она вряд ли захочет. Если я велю ей лизать ваши ботинки, она так и сделает.

– Что ж... Итак, я могу изложить свое дело? – Александра села на козетку и расправила юбки.

Папаша Базиль устроился напротив, на стуле, и милостиво кивнул: говорите.

– Вы правы: я ищу мужчину. Это молодой человек лет тридцати с весьма примечательной наружностью. Он красавец, брюнет, глаза у него синие, фигура безупречная. Манеры самые аристократические.

– Держу пари, мадам, по нему не только вы сходите с ума, – проворчал месье Дидон.

– Вы правы: он любимец женщин, всех без исключения, начиная от великосветских дам и кончая куртизанками.

– Вам-то он на кой сдался? – грубо спросил папаша Базиль.

– Я люблю его, – просто сказала Александра. – Я люблю его давно, еще со времен моего девичества. Но мы не могли быть вместе.

– Теперь, стало быть, можете.

– И теперь не можем. Потому что он женат.

– Ну так ищите его у жены!

– Его жена осталась в России. А сам он... бог знает где. Но я вас уверяю: жена его тоже ищет. Она очень богатая женщина, он и женился на ней по расчету.

– Стало быть, он себя продал, – удовлетворенно кивнул папаша Базиль. – Что ж, это случается с такими красивыми молодыми людьми. Чем он еще примечателен, кроме стройной фигуры и синих глаз? Каков его характер? Привычки?

– Во-первых, он игрок. Азартен, любит риск, играет всегда по-крупному. Бывает, что и нечист на руку, в случае, если испытывает крайнюю нужду в деньгах. Во-вторых, якшается со всяким сбродом, когда ему это выгодно. Моральных принципов у него никаких. Живет за счет женщин, свое состояние он давно уже спустил...

– Мадам, тогда это чудовище, а не человек! Я не удивлюсь, если он сейчас в долговой тюрьме! А вы нанимаете людей, чтобы его отыскать!

– Но он тоже любит меня.

– У вас что, есть доказательства этому? – ехидно спросил папаша Базиль. – Ведь он от вас сбежал!

– Он дважды стрелялся из-за меня на дуэли. Один раз чуть не погиб сам, в другой раз убил моего мужа. И вынужден был бежать из России.

– Матерь Божья! Так он еще и убийца! – месье Дидон всплеснул руками. – А я еще отговаривал вас от маркиза! Да по сравнению с этим *типом* маркиз просто ангел!

– Поединок был честным, – сердито сказала Александра. – И главная вина за смерть моего мужа лежит на мне. Я могла этого не допустить. Если бы...

– Если бы вы любили мужа, а не этого, с позволения сказать, мужчину, – хмыкнул папаша Базиль. – Впрочем, мадам, это не мое дело. Вы хотите его отыскать, так я вам его отыщу. Хоть бы он был сейчас у самого черта в заднице.

– Не надо ходить далеко. – Александра даже не поморщилась, услышав крепкое словечко. Знали бы господин Дидон и все эти благородные господа тайну ее рождения! Деньги мужа и его титул покрыли все, но при случае графиня Ланина не прочь была вспомнить, кто она была до того, как обвенчалась с аристократом. – Найдите самую красивую женщину в Париже, и рядом обязательно появится Серж Соболинский. Так зовут человека, которого вы должны для меня отыскать.

– Самая красивая женщина в Париже – это вы, мадам.

– Я за лесть не доплачиваю, месье Дидон, – иронически улыбнулась Александра.

– А я вам несколько не льщу, – живо сказал папаша Базиль. – Ничто не украшает женщину так, как роковая тайна. Юная дева, которая отмечена свежестью и невинностью, конечно, прелестна, но в то же время и скучна. Все видят, что она такое есть, и знают наверняка, чего от нее ждать. Рассеянно говорят: «Да, хороша», и обращают свой взгляд... – папаша Базиль подался вперед и зашептал: – ...обращают свой взгляд в литерную ложу бенуара, где в самой ее глубине спряталась загадка. К ногам прелестной юной девы мужчина готов положить свой титул и состояние. Но свое сердце, свою душу и, если хотите, честь он скорее продаст дьяволу, чем подарит Богу.

– Я, по-вашему, дьявол?

– Но ведь вы ищете демона! Демона в мужском обличье. Вы, мадам, интригуете Париж. Ведь Париж – это великий гурман, к столу которого постоянно требуются экзотические блюда. Вы, к примеру, северная куропатка под весьма пикантным соусом. Неудивительно, что вас все хотят отведать.

– Хорошо. Кто вторая самая красивая женщина в Париже?

– Некая мадемуазель Дельфина Бокаж, актриса.

При этих словах графиня Ланина выразила удивление.

– Она ведь живет на улице Тетбу? – спросила Александра после непродолжительной паузы. Маркиз де Р* назвал своему кучеру это имя и адрес: «На улицу Тетбу, к мадемуазель Бокаж!»

– Именно так, мадам. У нее там настоящий маленький дворец! Мадемуазель Дельфину содержит самый богатый человек во Франции. Ну, один из самых богатых, ибо не будем сбрасывать со счетов короля. Барон Эрвин Редлих – это само воплощение успеха. У него самое большое состояние, самые быстрые лошади, самый модный дом и самая красивая любовница. Он не жалеет денег на мадемуазель Бокаж. О, мадам! Вы бы видели ее дом! Это настоящий шик! – месье Дидон поцеловал кончики пальцев. – Стены и лестница под мрамор, для отделки использованы лучшие ткани, покои буквально набиты всяким *дорогим бараклом*. Стоило мадемуазель похвалить одного безвестного художника, как барон тут же купил его картину за тридцать тысяч франков! Дабы доставить своей девочке удовольствие. И безвестный гений в одночасье стал знаменитостью. А какой там стол! – папаша Базиль плотоядно облизнул губы. – Говорят, под золочеными серебряными сервизами и саксонским фарфором не видно самих

скатертей! А они великолепны, особенно узоры! Панели из черного дерева, украшающие столовую, куплены по весу золота, грамм в грамм, да еще и разукрашены золотой сеткой! В жардиньерках повсюду стоят прекраснейшие букеты. Тропические цветы – зимой! Благоухающие пармские фиалки – в январе! Разумеется, у Дельфины бывает весь Париж! А весь Париж, мадам, это человек пятьсот: модницы, денди, актеры, журналисты и всякие там знаменитости. Конечно, какая-нибудь чопорная старуха из Сен-Жерменского предместья к мадемуазель Фефине не пойдет под страхом гильотины. Но Фефине, признаться, на это наплевать. Она как сыр в масле катается. Она ведь актриса, не просто содержанка, а актеры нынче приняты повсюду, и к ним самим ездить не зазорно. Дельфина очень ценит свое положение. Кто она была до того, как барон Редлих устроил ей все это? Он же ее буквально на улице подобрал!

– Я бы поставила на Сержа.

– Ни-ни-ни! – замахал руками папаша Базиль. – Таких мужчин, как барон Редлих, женщины не бросают!

– Да, но обманывают.

– Вы не знаете барона, – вздохнул месье Дидон. – Вы, должно быть, вообразили себе грузного старика, любителя плотно поесть и страдающего вследствие этого несварением желудка. Барону Редлиху меж тем еще нет и сорока. Красавцем его, конечно, не назовешь, но происхождения он благородного, а если учесть, что его обшивают лучшие портные...

– Значит, барон будет содержать любовника своей любовницы. Потому что Серж наверняка захочет вскрыть эту кубышку. Ведь это лакомый кусок. Так же, как и мадемуазель Бокаж.

– О да! Вообразите себе огромные карие глаза, под которыми залегли глубокие тени. Но кожа при этом свежа, как персик, а щеки нежны, словно лепестки роз. Губки похожи на ягоды клубники, так и хочется их съесть! – Папаша Базиль вновь поцеловал кончики пальцев, теперь уже выражая восхищение не домом Дельфины, а ею самой. – Когда смотришь в глаза мадемуазель Бокаж, такое чувство, что летишь в пропасть, а лошади понесли. И остановиться уже невозможно, остается только сломать себе шею. При этом у Фефины густые кудри цвета воронова крыла, тонкий стан и самая прелестная в Париже ножка. Простите, мадам, я еще не видел вашу.

– И не увидите. Я ведь не актриса. И не куртизанка. Я уже поняла, что у барона прекрасный вкус... Что такое, Вера? – с досадой спросила графиня у замершей в дверях камеристки.

– Цветы, мадам...

– Опять?

– Прикажете отослать?

– Как всегда.

– Там карточка, в букете. А еще футляр.

– Отошли. Я не могу это принять.

– И даже не посмотрите, что в футляре?

– Нет, конечно! Неизвестный мне богач, видимо, перепутал меня с куртизанкой. Я не принимаю драгоценности от мужчин, кем бы они ни были.

– Как прикажете, мадам. – Вера исчезла.

– Представляете, месье Дидон, вот уже несколько дней мне каждое утро присылают цветы! Букеты восхитительные и, как я предполагаю, безумно дорогие. Орхидеи, пармские фиалки... розы... благоухающие камелии... Похоже, этот господин пытается угадать мои пристрастия. Он еще ни разу не повторился.

– Так может, стоит взглянуть хотя бы на карточку?

– Я не желаю знать, кто мой таинственный поклонник. – Александра встала, папаша Базиль тоже поднялся.

Графиня взволнованно прошлась по комнате.

– Не желаю знать... – повторила она. – Да, о деньгах. – Она остановилась и посмотрела на папашу Базиля. – Сколько?

– Смотря, какой путь мы выберем: короткий или длинный. Я могу рыскать по Парижу, расспрашивая всех, не видел ли кто нашего героя? И тогда вы будете должны только мне... Ну, скажем, тысяч десять франков. Можно выплачивать частями.

– А короткий путь?

– Ежели вам не жалко на это денег...

– Не жалко.

– Так вот: ежели вам не жалко денег, и вы уверены, что мадемуазель Бокаж непременно привлечет внимание мужчины, которого вы ищете...

– Уверена, – опять нетерпеливо перебила Александра.

– У Фефины есть подружка. Надо же красавице кому-то излить душу? У всякого есть свое помойное ведро, тут уж никуда не деться. Так вот: для мадемуазель Бокаж это толстуха Атенаис Гаспар. Она тоже актриса, но роли у нее маленькие, и все – благодаря Дельфине. Таким образом, Атенаис перепадают крохи со стола барона Редлиха. Она снимает крохотную квартиру неподалеку от своей малышки Фефины, и в данный момент квартира эта свободна от постоя.

– Что вы имеете в виду?

– Атенаис недавно бросил любовник. Они ее, признаться, бросают с завидным постоянством, раз в месяц или в два. Мадемуазель Гаспар почти в два раза старше своей подружки и уж точно в три раза толще. Но мне она в самый раз, – папаша Базиль похлопал себя по объёмистому животу. – Сдается мне, мы прекрасно поладим. Я заплачу ее долги, а их у нее не много. Тысяч на пять франков. Потом я возьму мадемуазель на содержание. Запросы у нее скромные, не то что у Фефины, думаю, еще тысяч десять мы потратим на *тряпки*, не больше. Ну и мое вознаграждение...

– Итого двадцать, – вздохнула Александра. – Месье Дидон, я не умею торговаться. Делайте, как считаете нужным.

Она заколебалась: посвятить ли его еще в одну тайну? Показать алмаз? Александра нуждалась в совете. Либо надежно спрятать «Сто солнц», либо продать. Либо избрать иной путь. Но какой?

– что-то еще, мадам? – уловил ее колебания папаша Базиль.

– Нет, ничего... – «Позже», – подумала она и позвонила в колокольчик. – Вера, принеси из моей спальни шкатулку. Ту, где лежат деньги на расходы. Вы ведь наличными возьмете? – посмотрела графиня на месье Дидона.

– Хотелось бы наличными, мадам, – почтительно поклонился он. – Всяким там *бумажкам* я не очень-то доверяю.

– Я вас понимаю, – улыбнулась она. – Десять тысяч франков для начала вас устроят?

– Вполне, мадам.

– Потом получите остальное. Я понимаю, что расходы могут возрасти. Все-таки вы берете на содержание актрису.

– Я буду чрезвычайно экономен, сударыня, – сказал папаша Базиль, беря у нее деньги. – Признаться, Атенаис больше не стоит.

– Значит, вы часто будете видеться с мадемуазель Дельфиной?

– Почти каждый день. А уж знать все ее тайны я буду наверняка, потому что она для того и ездит к толстухе Атенаис. Жаловаться на барона.

– Вы же говорите, что Дельфине жаловаться не на что.

– Каждой женщине, мадам, есть на что пожаловаться. Фефина живет, как королева, но барон ее не любит.

– Откуда вы знаете?!

– Влюбленный мужчина выглядит счастливым, если его любовь взаимна. А у барона вид несчастный. Вернее скажем: у него нормальный вид.

– Он спокоен, следовательно, счастлив, – пожала плечами Александра.

– Э, нет! – погрозил ей пальцем папаша Базиль. – У него спокойствие мертвеца, а это никоим образом не говорит о счастье. Разрешите откланяться? – и он с неожиданной для своего сложения ловкостью расшаркался перед графиней.

Она отпустила папашу Базиля с улыбкой. Вот еще, философ! Берется рассуждать о счастье или несчастье людей, от которых зависят судьбы Франции! При таком состоянии барон наверняка имеет влияние на премьер-министра, а может быть, и на самого короля! Есть ли у господина Редлиха время, чтобы думать о личном счастье? Довольно того, что у него самая красивая в Париже любовница. Барону есть где проводить вечера, и никто из жителей этого славного города не посмеет упрекнуть господина Редлиха в скупости.

Через две недели в особняке на улице Тетбу, где вот уже пять лет проживала мадемуазель Дельфина Бокаж, известная актриса, собралась самая блестящая публика. Это был именно вечер, который еще называют «большим», а не вечеринка, не скучный визит в аристократический салон и не дружеский ужин. Гости на такие большие вечера съезжаются с десяти, и до полуночи, пока не подадут ужин, развлекаются игрой в карты, проигрывая при этом суммы весьма значительные. Играть по маленькой, то есть на мелочь, в таких домах не принято, на зеленом сукне лежит исключительно золото.

С тех пор, как Сен-Жерменское предместье пало под натиском Шоссе д'Антенн и финансовая буржуазия стала отовсюду вытеснять надменное и чопорное дворянство, золото сделалось мерилом всех человеческих достоинств. Отныне лишь золото давало человеку гражданские и политические права, делало его повсюду желанным гостем и обеспечивало ему самый радушный прием. Если раньше все мечтали попасть на раут в особняк какой-нибудь герцогини из аристократического квартала, то теперь герцогиня мечтала быть среди приглашенных на вечер к банкиру, живущему во дворце, нанятом у принцессы королевской крови.

Любыми правилами приличия можно было пренебречь, имея огромное состояние. Мало того, можно было самому устанавливать эти правила. А уж золота у барона Редлиха было предостаточно. Благодаря своему состоянию, он был одним из самых влиятельных лиц во Франции. Неимоверно нажившись во время июльского переворота на биржевых спекуляциях, барон без колебаний поддержал Луи-Филиппа и, как выяснилось со временем, не прогадал. При новом правительстве барон Редлих стал министром без портфеля, фаворитом короля, которому тот верил безоговорочно. Барону фантастически везло, говорили, что у него необычайное чутье на деньги.

Поэтому к его официальной любовнице съезжался весь великосветский Париж, и никого из этих людей не смущало, что мадемуазель Бокаж – актриса и содержанка. Причем актриса довольно посредственная, просто барон щедро оплачивал клакеров в театре, где она была ангажирована, и был на короткой ноге со всеми журналистами, которые писали, в том числе и рецензии на театральные премьеры. Дельфина хотела славы – барон покупал ей славу, так же как за неделю до премьеры купил своей любовнице новый экипаж.

Сам он жил поблизости, буквально на соседней улице, но часто оставался ночевать в особняке на улице Тетбу. Вечера у мадемуазель Бокаж порою затягивались до утра; после того как подавали десерт, а к нему ликеры и шампанское, публика не спешила расходиться. Говорили о политике (теперь везде говорили о политике), обсуждали финансы, впрочем, пытаться влиять на барона после полуночи, чтобы он принял какое-то решение, было бесполезно.

– О делах я говорю в другом месте. К примеру, в фойе Оперы, – отшучивался барон. – Но едва раздался хлопок и из первой бутылки вылетела пробка, мой кредит закрыт для всех, кроме Дельфины.

Дом мадемуазель Бокаж на Шоссе д'Антенн, в этом рае для финансистов, был самым роскошным. Гостиная, отделанная в бело-розовых тонах, могла при желании вместить человек триста, но барон принимал лишь двести. Эти «первые две сотни» определил для себя сам барон, он же делал в списке поправки, в зависимости от того, кто кого сумел обанкротить и чье состояние потеряло свой вес. Быть принятым у официальной любовницы барона Редлиха значило иметь повсюду неограниченный кредит. Ведь это значило, что у человека все в полном порядке. Финансовые дела его благополучны, при дворе ему благоволят, а в кабинете министров сидят его друзья, которые дают ему дельные советы.

Поэтому многие не глядя отдали бы десять лет своей жизни за то, чтобы быть принятым хоть раз в доме у мадемуазель Дельфины, войти в эти заветные две сотни. Ибо все остальные кусали локти от зависти. Каждому ведь хочется почувствовать себя избранным, получить заветное приглашение и не преминуть сказать об этом тем, кто его не удостоился.

Завистники называли роскошь в особняке на улице Тетбу кричащей. В самом деле, здесь всего было чересчур. Чересчур богатый выбор вин, чересчур обильный стол, чересчур много позолоты, да и сам туалет мадемуазель Бокаж всегда был слишком уж вызывающим. Она предпочитала яркие цвета, обилие украшений и огромное количество оборок и воланов. Прически ее были вычурны даже для парижанок, которые словно состязались в сложности, убирая свои волосы лентами и цветами так, что шляпку приходилось подбирать особенно тщательно. Дельфина перешеголяла их всех. На любой другой женщине все это смотрелось бы вульгарно, но мадемуазель Бокаж была так хороша, что могла позволить себе абсолютно все. Ее не портили ни чрезмерно большие буфы на рукавах, ни огромные шляпы, ни безвкусно пышные юбки. Как беззаботная райская птица, она порхала по своему салону, рассыпая искры украшавших ее бесчисленных бриллиантов. Она сияла в своей гостиной ярче, чем люстра о пятидесяти свечах, висящая под самым потолком.

Насколько вызывающе выглядела Дельфина, настолько же скромнен был тот, кто за все это платил. Весь вид барона словно бы говорил: вы хотите знать, как у меня обстоят дела? Вот она, витрина моих дел! И кто после этого скажет, что дела мои плохи?

Сегодня Дельфина была в платье цвета рубина со множеством оборок на юбке и с короткими пышными рукавами. К буфам внизу были пришиты алые ленты, которые плотно охватывали предплечья. Шея и точеные плечи Дельфины были открыты настолько возможно, на нежной сливочной коже красавицы плотоядно сверкали огромные рубины в тон платью, такие же яркие, как ее глаза. Кто знал Фефину лучше, сказал бы, что она нервничает. Она носилась по гостиной, словно пылающий факел, от одного гостя к другому, и ее смех был похож на рыдания. Барон, напротив, был совершенно спокоен. И тот, кто рискнул бы предположить, что они поругались, попал бы впросак. Барон *никогда* не устраивал своей любовнице сцен. А она слишком дорожила своим положением, чтобы устраивать сцены ему.

Как жаловалась Дельфина своей единственной подруге, толстухе Гаспар, «в наших отношениях нет ни слезинки любви». Барон взял ее семнадцатилетней девочкой, ему нужна была парадная любовница, он выбрал самую красивую статистку и сделал из нее знаменитую актрису. Она ни на что не могла пожаловаться: отношение к ней было самое почтительное. Но когда после ночи, проведенной в ее спальне, барон уходил, Дельфина еще с полчаса рыдала в подушку, называя его чудовищем.

– За пять лет ни слова ласки! – жаловалась она Атенаис. – Как будто я бездушная вещь!

– Барон – порядочный человек, – завистливо вздыхала толстуха. – Уж он-то тебя не бросит без гроша, когда ты ему надоешь. Таких еще поискать, как твой *душка* Эрвин!

– Но я бы хотела его любить! А он скорее позволит отрезать себе голову! Это не человек, а глыба льда!

Но сегодня Дельфина нервничала не поэтому. Атенаис упростила ее об одолжении. Некто месье Дидон заплатил ее долги, и толстуха очень бы хотела, чтобы так продолжалось и дальше.

– Представь моего котика барону, – умоляла она. – Посади его хоть в самом темном уголке, но пусть все знают, что он был у тебя на вечере.

Как только Дельфина увидела месье Дидона, она поняла, что спрятать его невозможно. Еще и фамилия! Индюк! Да он и по виду настоящий индюк! То-то барон будет потешаться!

Теперь Дельфина мучилась мыслью, как угодить подруге и в то же время не разозлить любовника? Хорошее настроение барона было ей дороже всего, потому что тогда можно было смело стричь с него купоны. Просить хоть луну с неба. Дельфина справедливо считала, что бесчувствие барона должны компенсировать его дорогие подарки. И чем холоднее он был, тем дороже мадемуазель Бокаж оценивала свою любовь.

Все же месье Дидон был принят: у Дельфины оказалось доброе сердце. Она ожидала бури. Эрвин ничего не заметил. Хотя не заметить огромную тушу, на которую еле налез фрак, было невозможно. Месье Дидон сидел на канаве, держась больше на своих ногах, похожих на чугунные столбы, чем на ножках этого изящнейшего произведения столярного искусства. Видимо от смущения, он не принимал участия в карточной игре и до ужина не проронил ни слова. Благодаря рассеянности барона все приняли нового гостя за крупного финансиста из провинции. Особенно когда Дельфина проронила, что он взял на содержание ее подругу мадемуазель Гаспар.

– Удачный выбор, – с ироничной улыбкой похвалил маркиз де Р*. – Только надобно будет обновить мебель.

– Это вы о чем, маркиз? – удивленно подняла брови Дельфина.

– О диванах мадемуазель Гаспар. Их ведь теперь таких двое. Двое *больших людей*. Я, пожалуй, знаю краснодеревщика, который за это возьмется.

– За что именно?

– За кровать, мадемуазель, – шутливо поклонился маркиз.

Все же за ужином месье Дидона отсадили подальше от хозяйки. Барон по-прежнему был рассеян, и Дельфина уже начала беспокоиться. Это началось с месяц назад, и с каждым днем ее любовник становился все мрачнее и мрачнее.

В два подали десерт. Шампанское лилось рекой, и с попустительства легкомысленной хозяйки дома многие молодые люди, представляющие собой сливки общества, позволили себе лишнее. Следовательно, беседа сделалась развязной, и наконец затронуты были фривольные темы.

– Как ваши успехи у прекрасной русской графини, маркиз? – спросил недавно назначенный личным секретарем короля красивый юноша, которому все прочили блестящую карьеру. – Когда вы представите нам свою новую любовницу?

– Совсем скоро. Мы встречаемся с графиней ежедневно, пока только на прогулках, но она уже подыскивает себе дом, где можно было бы устраивать приемы.

– Руководствуясь вашим вкусом и вашими советами? – тонко улыбнулся новоиспеченный королевский секретарь.

– Ну, разумеется.

– Поздравляем вас, Анри! – раздался дружный хор голосов. – На этот раз вы нас всех *обскакали!*

– О ком идет речь? – неожиданно вмешался в разговор барон Редлих.

– О даме, которая еще совсем недавно интриговала весь Париж, – пояснил королевский секретарь. – Маркиз раскрыл ее инкогнито, сумел возобновить знакомство и теперь близок к тому, чтобы взять эту крепость. Совсем скоро мы будем иметь счастье рассматривать прекрасные плечи графини вблизи.

– Не верю ни единому слову! – неожиданно горячо сказал барон. – Вы, маркиз, похвалитесь тем, чего не было и не будет никогда! Это недостойно мужчины!

– Я никогда не приписываю себе побед, которых на самом деле не было, – живо возразил тот. – Еще никто не посмел упрекнуть меня в хвастовстве!

– Значит, я буду первым, кто это сделает!

– С каких пор вы стали таким шепетильным, барон?

– Вы правы: в *этом* доме смешно говорить о приличиях. Но есть места, где это вполне допустимо. Например, Булонский лес.

– Я всегда готов!

– Господа, господа! – гости поняли, что дело приняло серьезный оборот, и разволновались. – Мы все слишком много выпили! Кто ж говорит серьезно о таких вещах в три часа ночи! И право слово, предмет вашего спора того не стоит! Русская графиня всего через пару месяцев выйдет из моды, в Париж приедет кто-нибудь другой, и все уже будут говорить о нем! Стоит ли ссориться из-за женщины, которую никто не знает?

– Это мне решать! – вспыхнул барон. – Ежели господин маркиз так же не умеет пить, как добиваться любви порядочных женщин, его надо всему этому научить!

При этих словах маркиз побелел как полотно. Это уже было прямое оскорбление.

– Эх, и хорошие же у вас сигары! – раздался вдруг громогласный бас.

Все вздрогнули и повернули головы в ту сторону, откуда он раздался. Огромная туша во фраке, который грозился лопнуть по швам, поднялась из-за стола во весь рост. Вид у толстяка был препотешный, в руке дымились одна из сигар, любезно предоставляемых хозяином своим гостям после обильного ужина и десерта.

– А это еще кто? – удивленно спросил барон Редлих. – Откуда здесь взялся этот господин?!

– Ах, милый, я еще сегодня утром хотела тебе все объяснить, – встrepенулась мадемуазель Дельфина. Она уже поняла, что теперь ее выход. – История такая забавная, что...

– Я пришел к вам переговорить по одному дельцу, барон, – умильно сказала туша. – И вижу, что теперь времечко самое подходящее.

– Вы решили сделать из меня шута? – барон переводил гневный взгляд со своей любовницы на *тушу*. – Что вообще, черт возьми, происходит в **МОЕМ** доме?

– Давайте выпьем еще шампанского, барон! – с улыбкой сказал королевский секретарь. – Господин, имени которого я не имею чести знать, справедливо отметил ваши сигары. Я же хочу отдать честь великолепному шампанскому, которое подают только здесь!

– Месье Дидон, – с трудом согнулась в поклоне туша. – Базиль Дидон. Таково мое имя, господа. Я хотел бы, чтобы вы все его запомнили. Потому что я новый интимный друг мадемуазель Гаспар! – торжественно добавил толстяк.

Если бы не перепалка между бароном Редлихом и маркизом, грозящая закончиться дуэлью, все эти воспитанные денди наверняка бы сдержались. Но теперь в гостиной раздался дружный хохот. Только это могло разрядить сейчас обстановку. После того, как туша представилась, объявив, что в гости к барону Редлиху зашел Король Индюк, говорить о дуэли уже было немислимо. Эрвин Редлих прекрасно это понял и улыбнулся:

– Ну что ж, хорошая шутка! Дельфина, вели подать еще шампанского! Я сегодня устал, господа, прошу меня извинить.

– Возможно, я выдаю желаемое за действительное, – выдавил из себя маркиз. – Я не настолько близко знаком с графиней Ланиной, чтобы решать, где именно она будет жить.

– Мы обсудим это как-нибудь потом, – холодно взглянул на него барон. – А сейчас предлагаю забыть о графине и продолжить пирушку.

Все вздохнули с облегчением. Мадемуазель Дельфина улучила момент и украдкой пожала руку месье Дидону, шепнув:

– Вы спасли положение. Они слишком напились и потеряли чувство меры. Маркиз хороший стрелок, я бы не хотела, чтобы мой Эрвин закончил свою жизнь так глупо.

– Я тоже, – с неожиданной серьезностью сказал месье Дидон. Дельфина с удивлением заметила, что он абсолютно трезв.

В это время молодой герцог Б* и королевский секретарь обменялись мнениями по поводу инцидента.

– Какая муха укусила Эрвина? – с удивлением спросил у герцога красивый юноша, уже заполучивший завидную должность и считающийся здесь своим. – Знай я его хуже, я бы подумал, что он влюблен.

– У меня в знакомых числится одна девица, цветочница. Очень хорошенькая и столь же безотказная, – улыбнулся герцог. – Лавка ее мадам находится в одной из крытых галерей Пале-Рояля. Я иногда туда захоживаю. Так вот, прелестная цветочница недавно мне поведала, что один чрезвычайно богатый господин вот уже с месяц заказывает в их лавке роскошные букеты и к обеду отсылает их на улицу Кассет. А через два часа эти букеты возвращаются обратно в Пале-Рояль... Надо заметить, что эта лавка одна из самых дорогих в Париже, а рядом находится не менее известная всем влюбленным мужчинам лавка ювелира. Туда заходят лишь внезапно разбогатевшие на биржевой спекуляции сумасброды, готовые тут же все спустить, либо влюбленные по уши безумцы... Барон Редлих еще никогда, похоже, не любил. Его не привлекает то, что можно купить за деньги. Деньги для него ничто, он ценит только чувства, которых у него самого нет. Вернее, не было до сего момента. Если эта женщина задумала его *поймать*, то она на верном пути. Но боюсь, что дело серьезнее. Точно так же, как она сейчас отсылает букеты, она безжалостно отошлет и самого барона. Так что наш дорогой Эрвин пропал. Остается выяснить, кто ему наследует? – герцог взглядом указал на мадемуазель Бокаж.

– Интересно, он уже переписал на нее этот особняк? – задумчиво спросил новоиспеченный королевский секретарь. – Мне тоже пора обзавестись официальной любовницей. Все же можно сэкономить на жилье.

– Но на самой Дельфине вряд ли сэкономишь.

– Не будем торопиться, Поль. Все это выяснится в ближайшее же время. А пока отдадим должное щедрости барона Редлиха! – и молодой человек высоко поднял бокал с искрящимся шампанским.

Базиль Дидон, скорчившийся в глубоком кресле за спинами у молодых людей, выдохнул и распрямился. События принимали оборот, который он, при всем своем уме, предсказать не мог. Он пришел искать сюда пропавшего любовника русской графини, а нашел ее тайного поклонника. А как можно сбрасывать со счетов одно из самых крупных состояний во Франции?

«Те-те-те, – довольно потер руки папаша Базиль. – Вот теперь, господа, я с вами со всеми поиграю...»

Глава 3

Следующим же утром взволнованный папаша Базиль навестил свою «племянницу». Зная, что графиня встает часов в одиннадцать и до полудня совершает свой туалет, он намеренно пришел пораньше, чтобы переговорить с Терезой.

– Девочка моя, похоже, нам с тобой наконец повезло! – сказал он, довольно потирая руки. – Мы можем разбогатеть! Купим виноградник где-нибудь на берегах старушки Роны и обеспечим себе сорок тысяч франков ренты! И заживем припеваючи! Мне уже пора подумать о старости, да и тебе пора сделаться *дамой*. Вчера я узнал, что за таинственный поклонник каждое утро присылает нашей графине роскошные букеты. Это не кто иной, как сам барон Редлих! – папаша Базиль торжествующе посмотрел на Терезу, наслаждаясь произведенным эффектом.

– Нам-то что? – пожалла острыми плечиками плутовка. – Каким образом это поможет нам разбогатеть?

– Надо свести графиню с бароном. Он влюблен и никаких денег не пожалеет, чтобы заполучить предмет своей страсти.

– Да, но она его не любит! И мадам не какая-нибудь девка!

– Какая заслуга в том, чтобы свести продажную девку с миллионером? – усмехнулся папаша Базиль. – Или в том, чтобы выдать юную девицу из бедной семьи замуж за старика толстосума? Тут главное, договориться с ее родителями. Но продать богатую вдову холостому банкиру... Тут нам с тобой, крошка моя, придется постараться...

– Да, мадам богата, – с завистью сказала Тереза. – Я, как ты велел, обшарила все. Взять ничего не взяла, но кое-что разузнала. У нее есть один камешек... – глаза Терезы жадно сверкнули. – Так вот: он один стоит не меньше миллиона франков! Уж редкость так редкость! Я еще никогда не видела такой огромный алмаз!

– Такие камни, девочка моя, не крадут безнаказанно. Артишок надо съесть постепенно, листик за листиком. Придет время – она нам сама его отдаст, этот алмаз. А покамест сделай вот что...

Тереза подалась вперед, жадно ловя каждое слово своего наставника.

– Когда завтра утром барон пришлет букет, а графиня снова велит его отослать, удержи посыльного. Букет у него заberi. Барон подумает, что дар его принят, и поспешит засвидетельствовать графине свое почтение.

– А если там опять окажется футляр? В букете?

– Возьми его.

– Как так взять? Ведь все тут же и вскрыется!

– Не вскрыется. Пошлешь за мной в Пале-Рояль. Каждый день с двух часов дня я сижу там, в кабачке, ну, ты знаешь, где именно, по просьбе нашей графини смотрю, не появится ли в галереях ее синеглазый демон? Скажешь, что *дельце обтяпано*. Футляр, присланный бароном, припрячешь, а его пропажу мы спихнем на русскую камеристку.

– На Веру?!

– Да, на нее.

– Но ведь она все будет отрицать! А графиня ей поверит. Эта русская девушка очень предана своей госпоже.

– Она не сможет ничего сказать, – хитро улыбнулся папаша Базиль. – Потому что она исчезнет.

– Но ведь графиня заявит в полицию! Веру будут искать!

– А это уже моя забота. Кто она такая? Иностранка. какая-то камеристка. Ты скажи графине, что у нее были шашни с каким-то парижским щеголем, судя по виду, игроком. Что ты не раз видела их вместе. Мол, Вера сама тебе призналась, что влюблена по уши. Поняла?

– Все поняла, – заверила Тереза. – Только у нее ведь шашни с кучером, они оба приехали вместе с графиней. Его-то куда девать?

– А ты на что? Или у тебя опыта мало в таких-то делах? – подмигнул папаша Базиль.

– Так-то оно так. Он мне, признаться, давно глазки строит, пару раз я даже видела камеристку графини в слезах.

– Вот и действуй!

– Допустим, я ее оговорю. Ну а дальше-то что?

– Вот посмотришь: барон станет здесь частым гостем. Графиня вознамерится возместить ему убытки. Она ведь порядочная женщина, – хмыкнул папаша Базиль. – Сначала они на пару будут искать воровку, потом барон появится у графини в ложе, чтобы рассказать о результатах этих поисков, глядишь – они уже на прогулке в Булонском лесу. Вместе, в одной коляске. И молва приписывает им связь. А дальше останется лишь осуществить на деле то, что уже оглашено во всех парижских салонах. Барон – человек ловкий. Уж он-то сумеет понравиться дамочке, как бы капризна она ни была.

– Ох, и голова у тебя! – Тереза прислушалась. – Колокольчик звенит! Похоже, графиня встала!

– Я обожду, пока она принарядится, и засвидетельствую дамочке свое почтение. Это ведь теперь наш с тобой *товар*, крошка моя. Надо заботиться о том, чтобы графиня была в духе и цвет ее лица не подурнел бы. Иначе барон передумает платить.

...Александра отлично выпалась и встретила месье Дидона с улыбкой.

– Что говорят в доме у мадемуазель Гаспар? – спросила она.

– Вчера она свела меня со своей подругой Фефиной, – важно сказал папаша Базиль. – Я принят в доме у барона Редлиха и, кажется, сумел его развеселить.

– А не было ли среди гостей господина Соболинского? – внимательно посмотрела на него Александра.

– Увы, мадам! Уж я бы его заметил! Либо он прячется, либо его вообще нет в Париже.

«Где-нибудь через месяцок, когда дельце будет на мази, я скажу ей, что мужчина, которого она ищет, умер», – подумал папаша Базиль, пряча свои мысли за приветливой улыбкой. Лицо его, похожее на резиновую маску, растянулось, рот стал чуть ли не до ушей, и теперь у толстяка был добродушнейший вид, так что графиня ничего не заподозрила.

– Я тоже так думаю, – вздохнула она. – Если Серж не играет в карты в доме у самого богатого в Париже банкира, значит... Господи, я даже думать об этом не хочу!

– Неисповедимы пути Господни, – глубокомысленно изрек папаша Базиль, глядя в потолок. – Мне жаль, мадам, что такая красивая женщина во цвете лет тратит время на бесплодные поиски. В то время как она могла бы насладиться любовью мужчины живого, а не какой-нибудь тени из прошлого, – вкрадчиво сказал он.

В этот момент в дверях гостиной появилась Вера, вопросительно глядя на свою госпожу.

– Что, опять? – с досадой спросила графиня Ланина.

– Да, мадам, цветы.

– Отошли.

Вера исчезла.

«Не сейчас, – подумал папаша Базиль. – Надо иметь терпение. Я сначала должен позаботиться о русской камеристке. Она мне теперь будет только мешать».

...На следующий день, уже в сумерках, Тереза принесла ему бархатный футляр.

– Ого! – невольно присвистнул папаша Базиль, открыв его. – Барон Редлих так щедр!

В футляре лежали бриллиантовые серьги немыслимой красоты.

– Вот и наш виноградник! – воскликнул месье Дидон. – Осталось, Тереза, позаботиться о ренте. О Вере я уже позаботился: она исчезла. Теперь ты будешь доверенным лицом русской графини. Барон будет ей писать: узнай, куда она складывает письма. Я хочу знать каждую строчку, каждое слово. Ты все их будешь читать, а потом пересказывать мне, поняла?

– Да, – кивнула Тереза.

– Удача нам улыбнулась, – папаша Базиль любовно погладил футляр. – Уж я сумею это сбыть! Хвала влюбленным безумцам, которые не считая тратят деньги на свои прихоти! Небось графиня по своей привычке собралась на прогулку в Булонский лес, несмотря на позднее время?

– Да, она предпочитает совершать прогулки, когда Елисейские Поля уже опустели.

– Что ж, сегодня у нее будет весьма приятная компания! Ставлю на барона!

– А может, *смотаемся*, пока не поздно? – с опаской спросила Тереза. – С таким-то богатством мы неплохо устроимся! – она кивнула на футляр с серьгами.

– Э, нет! Это лишь первый взнос, сделанный бароном на наш счет! Я был в доме у мадемуазель Фефины и видел своими глазами, на что способен барон Редлих. Да это просто кубышка с миллионами! Пора, Тереза, отворить ему кровь. Я сам этим займусь.

Отсутствие Веры сильно обеспокоило графиню Ланину. Она знала, что ни родственников, ни просто знакомых у девушки здесь, в Париже, нет. Вообще никого. Только кучер Василий, который тоже чужой в этом городе. Они и держались друг за друга. До сих пор Вера даже на улицу боялась выходить без своей госпожи. И вдруг камеристка исчезла!

Графине помогла одеться Тереза, которая, закалывая хозяйке волосы и пристраивая на ее голове изящный капор, украшенный лентами, щебетала:

– Наша-то скромница, похоже, нашла себе пару! Только приданого не хватает. А уж он-то как собой хорош! И совсем еще молоденький!

– Ты это о ком? – удивленно спросила графиня Ланина.

– О Вере, о ком же еще?

– У нее появился жених?! Да быть этого не может! Она же с Василием помолвлена!

– Мадам, вы, наверное, не знаете, – хитро посмотрела на нее Тереза. – У них давно уже все разладилось. Да хоть самого Василия спросите! Но Вера быстро утешилась.

– Что ж, она теперь помолвлена с другим?

– Уж насчет этого не знаю, помолвлены они или нет, только Вера мне все уши прожужжала. Люблю, мол, его безумно!

– Странно... Я ничего не замечала...

– Так кто ж вам скажет, мадам? – простодушно спросила Тереза.

– Я бы дала ей денег, если бы она попросила. И Вера это знает.

– Любовь, мадам, не станет ждать, – притворно вздохнула горничная.

Сегодня все шло не так. Александра, у которой с утра было дурное предчувствие, не могла это объяснить. Она уже привыкла к обществу маркиза, и, когда во время прогулки к ней подошел мужчина, она было подумала, что это он.

В зимнее время люди из высшего общества гуляли на Елисейских Полях с двух часов дня до четырех. Потом великосветские дамы возвращались домой и открывали двери своих салонов. Александра, у которой не было салона, предпочитала гулять в одиночестве. Особенно в такие дни, как сегодняшний, когда на небе светила огромная луна, а воздух хоть и был прохладен, зато по-зимнему свеж. Только в начале декабря, когда осень окончательно отступила, бывают такие дни, хоть и короткие, но особенно располагающие к долгим прогулкам. Морозов, которых ждала графиня и которые в это время года у нее на родине уже сковали землю, превратив ее в твердь, здесь, в Париже, не было. Снег тоже еще не выпал, и только тонкая корочка льда на мелких лужах напоминала о том, что пришла зима.

Александра с удовольствием вышла из кареты и медленно пошла пешком. Вот тут-то ее одиночество и было нарушено. Мужчина, которого она было приняла за маркиза, почтительно к ней приблизился и взволнованно заговорил:

– Я рад, что вы ко мне переменились. Я давно ишу случая быть вам представленным, но вы нигде не бываете. Простите мне мою дерзость, ведь я в отчаянном положении. Вот уже месяц, как я люблю вас...

Александра оторопела. Она все никак не могла взять в толк, о чем он говорит.

– Кто вы такой? – спросила она удивленно.

– Я барон Редлих, – поклонился ей незнакомец.

– А... – сорвалось у нее с губ.

– Так вы обо мне слышаны? – радостно спросил барон.

– Я слышала, что вы человек светский, – сердито сказала Александра. – Благородного происхождения и хорошего воспитания. Я не давала вам права нарушать мое одиночество.

– Разве? – с запинкой спросил барон. – Но ведь вы приняли мой подарок!

– Какой подарок? – все так же недоумевая, спросила она.

– Букет и... Полагаясь на свой вкус, я выбрал для вас бриллиантовые серьги.

– Боже! Я, кажется, начинаю понимать! Моя камеристка исчезла! А я не принимала никакого букета и уж тем более не принимала дорогие серьги! Мне надо немедленно заявить в полицию о краже! – она направилась было к своей карете.

– Но куда же вы пойдете так поздно! – живо опередил ее барон. И встал между ней и каретой. – Предоставьте это дело мне.

– Какое чудовищное недоразумение! И в какое неловкое положение я попала!

– Но зато нам представился случай объясниться.

Александра посмотрела на стоящего перед ней мужчину.

Барон был невысокого роста, но строен и одет к лицу. Александра невольно вспомнила слова папаша Базиля, который сказал, что Эрвина Редлиха обшивают лучшие в Париже портные. Барон, без сомнения, хотел понравиться женщине, которую добивался, но тем не менее не стал тут же демонстрировать ей свое богатство. Ни бриллиантовых запонок, ни огромных золотых часов, ни каких-нибудь иных свидетельств роскоши, в которой он жил, Александра не заметила. Ни одной из тех изящных безделушек, которыми так любят украшать себя изнеженные парижские щеголи, у барона не было. Трость, которую он держал в руке, была хоть и элегантной, но простой, без всяких украшений. Лицо у барона тоже было самое простое. Он был похож на банковский билет: надежный, неоспоримый и такой четкий, что можно было без малейшего труда прочесть каждую букву и цифру.

Александра не посмела наговорить ему дерзостей. Напротив, она заговорила мягко, словно пытаясь его вразумить:

– Видимо, вы не знаете, что я вдова.

– Конечно, знаю, мадам! Простите меня, но вот уже месяц нанятые мною шпионы докладывают мне о каждом вашем шаге!

«Месяц Дидон завтра будет иметь крупные неприятности», – нахмурилась она.

– Я выяснил, что вы живете на улице Кассет, живете весьма скромно, никого не принимаете, гуляете только по вечерам, но дважды в неделю бываете у Итальянцев. И раз в неделю в Оперу. Привычки у вас самые скромные, так же как и у меня. Вы не проводите время так, как это принято у парижских дам. Не расточаете себя в великосветской болтовне, переезжая из салона в салон, и не собираете у себя всех этих бездельников, которые только говорят, но абсолютно ни к чему не способны. О! Если бы вы только знали, как все они мне надоели!

– Я такая же, как все. Просто обстоятельства сложились таким образом, что я вынуждена вести уединенный образ жизни.

– Но ведь это вас не тяготит?

– Нисколько.

– И вы не заботитесь тем, что о вас говорят. Если бы вы знали, мадам, какое это бесценное качество! – барон качнул тростью, словно в подтверждение своих слов. – Прошу вас, послушайте меня.

– Хорошо, идемте...

Александра сама не понимала, почему она тут же не прервала эту беседу? Обычное женское любопытство? Как мог мужчина, будучи незнакомым с нею, влюбиться и дойти до того, чтобы нанять шпионов и устроить слежку за предметом своего обожания? Или у банкиров так принято? Тем более если они миллионеры.

– Я вырос в семье финансиста, – медленно сказал барон, идя рядом с ней по безлюдной улице. – На протяжении двадцати пяти лет у моих родителей рождались одни только девочки. Три моих сестры умерли во младенчестве, еще четыре живы и здравствуют. И вот наконец родился я. Мать моя вскоре умерла, истощенная многочисленными родами, а отец с энтузиазмом принялся делать из меня наследника своего дела. Детства у меня не было, мадам, – грустно сказал барон. – Мой отец очень спешил. Ему было около пятидесяти, когда я родился. Ему хотелось, чтобы я окреп и научился защищаться. Биржа, мадам, – это стая коршунов. Стоит попасть туда неоперившемуся птенцу, как эти коршуны миглом порвут его на части. Все, что я видел с самого своего детства, – это кон-тора моего отца и бесконечные счета. Я понимаю только один язык – язык цифр. Меня некому было ласкать, поскольку моя мать умерла, а отец намеренно не допускал меня в женское общество. Мне было немногим более двадцати, когда он умер. Но он многому успел меня научить. С гордостью скажу, что я не только сохранил его состояние, но и многократно приумножил. Мой банкирский дом один из самых уважаемых во Франции. И уж точно самый надежный. Но на это ушли годы, мадам, – барон тяжело вздохнул.

Александра слушала, затаив дыхание. Без сомнения, она не встречала раньше таких людей, как барон Редлих. Все ее прошлые и нынешние знакомые, за исключением, пожалуй, двух сестер, Мари и Жюли, прожигали жизнь. Но сестры жили в российской глубинке, в провинции, и вряд ли могли бы считаться дамами светскими. В свете же трудиться было не принято.

Барон Редлих с детства не знал ничего, кроме труда. Что могло привлечь к ней этого человека?

– В тридцать три года я словно очнулся, – улыбнулся вдруг барон, – когда понял, что моей финансовой империи ничто не угрожает. Я оглянулся по сторонам, словно бы спрашивая: как жить? как живут другие? Вообще: как принято жить? Мне сказали, что, имея мое состояние, надо иметь красивую любовницу, открытый дом, принимать у себя весь Париж, тратить деньги без счета и делать вид, что ты при этом скучаешь. Мне не надо было делать вид, мадам, – горько улыбнулся барон. – Я сделал так, как мне сказали, не получив при этом ни малейшего удовольствия. Моя любовница красива, но, господи, как же она глупа! И как пуста! Она все время твердит мне о какой-то любви и хочет от меня этой любви, но она не хочет ничего с собой при этом сделать! Кроме как наряжаться, словно попугай, и трещать без умолку, будто она не женщина, а сорока! – с досадой сказал барон.

– Зачем же вы с ней живете?

– Потому что так принято! И потом: я уже с ней не живу. С тех пор как увидел вас, я перестал завтракать у мадемуазель Бокаж и крайне редко навещаю ее днем. Я чувствую себя совсем другим человеком, одно ваше слово, и ноги моей не будет на улице Тетбу. Никогда. Я уже отчаялся изменить свою жизнь, и вдруг... Однажды я пошел к Итальянцам, чтобы вывезти в свет свою любовницу и тем самым продемонстрировать свою успешность, и вдруг в ложе бенуара я увидел... Я увидел не женщину, нет... тень. Всего лишь очертания. Женщину, которая напомнила мне мою сестру Луизу. Мы были так близки, и я так любил ее, что не раз горько пожалел о том, что не могу на ней жениться. В конце концов я выдал Луизу замуж и отправил

ее как можно дальше от себя. Но я страшно тосковал. И вот я увидел те же белокурые волосы, те же северные краски и почти тот же профиль...

– Барон! Нельзя влюбиться в женщину только лишь потому, что она похожа на сестру!

– Я не сказал, что вы похожи, – живо возразил барон. – Мне так *показалось*. Потом я понял, что вы другая. Тогда-то это и началось. Наваждение, больше похожее на болезнь. Мне страстно хотелось с вами заговорить. Я почти каждый день видел вас, но не слышал ваш голос. Я смотрел на вас, как смотрел бы какую-нибудь пьесу, в нетерпении ожидая ее финала. Но в последнем акте занавес падал, и ничего не было понятно. Кто вы? Что вас сюда привело? Кого вы ищете?

– Откуда вы знаете, что ищу?

– Через маркиза де Р* вы обращались к префекту. Сначала я подумал, что маркиз ваш любовник, и страшно разозлился. Мне даже в голову не приходило, что я могу ревновать! – барон вдруг счастливо рассмеялся. – Я его чуть было не убил! Но потом опомнился. Ведь он тоже мог меня убить. А я еще не получил вашего ответа.

– Мой ответ – нет, – сердито сказала Александра.

– Но почему? Вас ничто не связывает, я тоже холост. Мы могли бы быть вместе.

– Я вас не люблю. И вряд ли полюблю, – безжалостно сказала она. – Состояние, которое оставил мне покойный муж позволяет мне быть независимой. Как вы уже поняли, роскошь меня не прельщает. Все это у меня уже было и, как и вам, удовольствия не доставило. Удовлетворенное тщеславие, не более, но это быстро прошло. Поэтому подыщите себе кого-нибудь другого. Что же касается бриллиантовых серег... Скажите мне их стоимость, и я вам ее возьму. Или попытаюсь отыскать в Париже такие же серьги, чтобы вы подарили их своей любовнице. Мадемуазель Бокаж, кажется.

– Мне проще, мадам, отыскать в Париже вашу камеристку, чем вам такие же серьги, – с усмешкой сказал барон. Голос его стал вдруг вкрадчивым: – Полиция справится с этим в два счета. Не пройдет и двух дней, как я вам скажу, где она прячется. Вы будете в субботу у Итальянцев?

– Да, как обычно.

– Ну так я вас навешу в вашей ложе. И еще: если вы станете принимать цветы от меня, это вас ни к чему не обязывает. Это просто знак моего восхищения вашей красотой.

Александра заколебалась. Папаша Базиль уже ее обманул. Зачем засылать шпиона в дом барона Редлиха, если она все может узнать у самого барона Редлиха?

– Хорошо, – кивнула она. – Найдите мне Веру.

– Простите?...

– Вера, *Confiance* – так зовут мою пропавшую камеристку.

– Да. Крайне неподходящее имя для воровки.

– Еще не доказано, что она воровка, – сердито сказала Александра и направилась к своей карете.

На этот раз барон ее не остановил. Он стоял на пустынной улице, задумчиво играя тростью, и словно бы не замечал холода.

Когда подъехал его экипаж, барон рассеянно взглянул на герб, украшавший дверцы кареты, и вслух сказал:

– Все ж это лучше, чем ничего.

Тремя днями позже мадемуазель Бокаж, самая красивая женщина в Париже, как говорили все, рыдала на груди у толстухи Атенаис.

Дельфина уже приехала в слезах, и Атенаис подумала было, что подружка опять задумала жаловаться на барона, и приготовилась ее утешать. Неизвестно, кто получал от этой дружбы больше выгоды, красавица или ее дуэнья. Дельфина была еще совсем молода, следовательно,

транжира. Она спускала все, нисколько не заботясь о завтрашнем дне. Толстуха же Гаспар, умудренная жизненным опытом, только делала вид, что у нее долги. Атенаис постоянно всем жаловалась на жизнь, но векселя, которые она выписывала, все были поддельные. Деньги, выплаченные любовниками по ее мнимым долгам, все возвращались в кубышку Атенаис, благодаря нехитрым, но весьма ловким махинациям. У нее был свой банкир, тот еще прощельга, который за умеренный процент и за толику любви, на которую толстуха была щедра, ловко устраивал дела мадемуазель Гаспар. Уйдя на «пенсию», Атенаис планировала заняться ростовщичеством.

«Вот увидишь, я тебе еще пригожусь», – ворчала Атенаис, когда легкомысленная Дельфина долго не появлялась у нее в доме. Мадемуазель Гаспар уже смотрела на красотку, как на свою собственность. Еще один капитал, с которого Атенаис рассчитывала иметь солидные проценты.

Толстуха терпеливо поджидала, когда Фефина наскучит барону и тот ее бросит. Паучиха плела свою паутину, ожидая, когда в нее попадет медоносная пчела. Подталкивая Дельфину к разрыву, ее подруга сама источала медовую лезть:

– Крошка моя, у тебя такое доброе сердечко! Мой толстячок принят у барона Редлиха! Теперь он уехал в провинцию, по каким-то своим коммивояжерским делам, но, бог ты мой, как же он собой гордится! Сам барон Редлих счел его шутку удачной! Об этом говорит весь свет! Авось и мои дела поправятся! Ай, спасибо тебе!

– Барон меня скоро бросит, – рыдая, сказала Дельфина. – Если раньше он был ко мне просто равнодушен, то теперь у меня такое чувство, что он еле сдерживается! Наис, он меня ненавидит!

– Ненавидеть такую-то красоту! – втайне ликуя, мадемуазель Гаспар всплеснула руками и, схватив с туалетного столика зеркало, стала совать его под нос рыдающей подруге, словно в подтверждение своих слов. – Да ты только погляди! У кого еще есть такие густые кудри? А кожа? А глаза? А ножка? Да где в одном месте барон еще отыщет столько сокровищ! – нахваливала она, одновременно прикидывая цену живого товара.

– Ему не это нужно! Я говорю – он молчит. Наис, он совсем меня не слушает! Раньше он хоть изредка у меня ночевал, теперь нет. Разве я стара или уродлива?

– Да что ты, милочка! Любой мужчина был бы счастлив побывать в твоей спальне!

– Но только не Эрвин!

– А ты бы спросила: чего он хочет?

– Да я разве не спрашивала? Разве я не пыталась его развеселить? Все, что он на это сказал: «Как вы глупы». Ты бы слышала, каким тоном он это сказал! Будто красивой женщине надо еще иметь и ум, чтобы нравиться мужчине!

– Ты поэтому и плачешь? – сочувственно спросила Атенаис.

– Нет. Я плачу от счастья.

– Господи ты боже мой! Что с тобой случилось-то?!

– Хорошо, я тебя расскажу...

Дельфина села рядом с подругой и, расправив пышные юбки со множеством воланов, заговорила:

– Три недели назад я, как обычно, поехала прогуляться в Пале-Рояль. Мне было скучно, Эрвин был мрачен и неразговорчив, и я поехала прикупить себе какую-нибудь безделушку или заказать новую шляпку. Я бродила по галереям, разглядывая сверкающие витрины, и откровенно скучала. И вдруг, о ужас, Наис! Я поняла, что *ничего не хочу*! Барон заразил меня своей холодностью! Все чувства во мне словно умерли! А ведь мне только двадцать два года! Господи, что он со мной сделал?! – Дельфина опять чуть не разрыдалась.

– И что же было дальше? Ведь это не все?

– Нет. Далеко не все. Я брела, пытаюсь хоть чего-нибудь захотеть, да хоть бы чашку кофе, и вдруг из сто тринадцатого зала вышел молодой мужчина...

– Постой! Да ведь это, кажись, игорный зал!

– Да. Там играют. И *он* вышел оттуда. Мы чуть не столкнулись, но он ничего не замечал. Он смотрел на меня словно помешанный! Я сразу поняла, что он все проиграл. Он был красив как демон! А глаза... Глаза безумные... Синие-синие... На нем был отличный сюртук, сидящий как влитой на статной фигуре, жилет, который, наверное, стоил ему безумных денег, щегольские сапоги... Манеры выдавали аристократа. Но в кармане у него не было ни су. Я сразу это поняла, Наис! Зато лицо... В нем одном было столько чувств, сколько во всем моем салоне, когда он до отказа забит гостями! Эти ходячие мертвецы превращают мой дом в склеп, а меня самое – в мумию! В старуху! И вдруг – *он*... Меня словно молния пронзила! – Дельфина сжала руку своей подруги так сильно, что мадемуазель Гаспар вскрикнула. – Я испугалась, что *он* покончит с собой. Я хотела его увести, но он не дался. Его руки были словно из железа, он смахнул меня с дороги, как пушинку. И хотел уйти. И тут я выхватила из муфты свой кошелек. В нем было золото, много золота. Все, что я взяла с собой в Пале-Рояль. Я стала совать кошелек ему. Он посмотрел на меня невидящим взглядом, но деньги взял. «Сударь, идите домой», – сказала я ему. Он рассмеялся и вернулся обратно в игорный зал.

– Фефина, ты меня пугаешь!

– Ты сначала дослушай. Через день он пришел ко мне в гримерную. Барон был занят, мне показалось, он поджидал кого-то в фойе, в гримерной, заваленной букетами, я была совершенно одна. *Он* вошел, тоже держа в руке роскошный букет. Извинился, что пришел так поздно, под самый конец спектакля, и не смог в полной мере насладиться моей игрой. Теперь у него было совсем другое лицо. Мне даже показалось, что ко мне в гримерную влетел ангел! «Мадемуазель, – с улыбкой сказал он, – у вас легкая рука. Я вчера крупно выиграл. А сегодня выиграл еще. Вот ваш букет, и вот мой долг...» Ах, не говори ничего! Я знаю, что мне надо было сделать! Взять деньги и забыть об этом! А вместо этого я сказала: «Сударь, позвольте пригласить вас на завтрак. Вам подадут свежайшие устрицы и отличное шампанское». Он рассмеялся и сказал, что с удовольствием принимает мое предложение.

– Фефина! – всплеснула руками толстуха. – Но барон!

– Барон у меня так редко завтракает, что я уже забыла, когда это было в последний раз, – грустно улыбнулась Дельфина. – И потом: этот русский князь не стал спрашивать, свободна ли я? Его, похоже, не интересуется, принадлежит ли кому-нибудь женщина, которую он хочет. Меня это так поразило, что я растерялась. Никто из моих гостей не посмел бы оказывать знаки внимания любовнице барона Редлиха! *Он* сел и небрежно сказал, что совсем недавно приехал в Париж и почти никого здесь не знает. Все лето и осень он прожил в Италии, у одной герцогини, с которой в мае познакомился на водах в Дьеппе. Герцогиня замужем, и ее супруга поначалу устраивал этот брак втроем. Но потом они разругались. Мой князь не привык, когда им помыкают, а герцогиня вздумала выдвигать какие-то условия. И еще он сказал, что в Италии скучно.

– Но почему у этого русского князя нет денег? Говорят, все русские богаты.

– Там, в России, он сделал что-то ужасное. Если он вернется на родину, его закуют в кандалы. Так я поняла. А еще я догадалась, что это из-за женщины. На его прекрасном теле есть шрам от пули. Отвратительный шрам. Почти у самого сердца. Когда я ласкаю моего князя, я едва дотрагиваюсь до этого безобразного рубца. Хотя *он* смеется и говорит, что ему не больно. Но ты бы видела при этом его глаза! Я бы ее задушила, эту женщину! – горячо сказала Дельфина. – Это наверняка какая-нибудь чопорная аристократка, худая, как жердь. Ну почему бы ему не полюбить меня?

– Но барон? – повторила Атенаис.

– Что мне барон? – беззаботно рассмеялась вдруг Дельфина. – Я влюблена, и на мои ласки горячо отвечают. Одна ночь такой любви не слишком большая плата за все те ночи, когда

я пыталась оживить ледяную статую. Теперь я наконец счастлива! Я тайно продала кое-какие драгоценности, из тех, что мне подарил барон.

– Дельфина!

– Эрвин ничего не узнает. Он им уже счет потерял, этим подаркам. Я сняла для моего князя небольшую прелестную квартирку на улице Сен-Лазар, обставила ее по своему вкусу и почти каждый день бываю там. какое-то время я просто наслаждалась своим счастьем... Но Серж попросил представить его барону, мой князь хочет войти в мой дом и бывать там. Ведь он игрок, – беззаботно сказала Дельфина. – А золото в моем доме льется рекой... Ах, Наис! Я ни в чем не могу ему отказать!

– Барон Редлих никогда этого не позволит! Обедать за одним столом с твоим любовником?! Ты с ума сошла!

– Эрвин ничего не будет знать. Я хотела это сделать еще две недели назад, представить Сержа барону, но ты упростила меня ввести в общество своего Индюка. Я не рискнула пригласить на раут сразу обоих: красавца и чудовище. Это было бы слишком... Насколько один уродлив, настолько же другой прекрасен. Что поделать, Наис, женщины любят красавцев! Особенно если эти красавцы знают толк в любви! Теперь я ищу подходящего случая. Надо снова устроить большой прием, – задумчиво сказала Дельфина.

– Что ж... – толстуха попыталась скрыть свое ликование.

Бедная Дельфина сама угодила в капкан. У куртизанки не должно быть сердца. Если уж она позволила себе влюбиться, то ей нельзя больше оставаться куртизанкой. Атенаис, у которой на подругу были виды, не стала ее отговаривать. Напротив, решила поощрить.

– Если барон так холоден, не грех его обманывать! – горячо сказала мадемуазель Гаспар. – Главное, держать все в тайне.

– Ты нам поможешь? – просительно сказала Дельфина. – Я для того все тебе и рассказала, чтобы ты заезжала к моему князю, когда я этого сделать не могу. Передавала бы ему деньги и записочки от меня.

Глаза у Атенаис жадно сверкнули. Она сразу поняла цену одной такой записочки. Да попади она в руки к барону Редлиху – Дельфине конец!

– Скажи, *душка* Эрвин уже переписал на тебя особняк, в котором ты живешь? – как можно безразличней спросила мадемуазель Гаспар.

– Нет, я его об этом не просила.

– Ну а рента? Обеспечил он тебе ренту? Может быть, он купил тебе поместье?

– Разве я так стара и так дурна, что мне надо думать о будущем? – беззаботно улыбнулась Дельфина.

– Ты права, моя крошка. Ни к чему думать о том, что будет завтра. Не беспокойся: мне ты можешь доверять. Уж я о вас, голубки, *позабочусь*.

Когда Дельфина уехала, толстуха Гаспар достала припрятанную для торжественного случая бутылочку отличного вина и налила себе полный бокал. Она пила за удачу. А удача ей, кажется, улыбнулась. Дельфина – на грани разрыва с бароном Редлихом. Атенаис никогда не ревновала к красоте своей юной подруги, не завидовала роскоши, в которой та жила, хотя очень любила деньги. Пожалуй, Атенаис любила деньги больше всего на свете, потому что прекрасно знала им цену. Уж она-то настрадалась!

Она ясно видела, как в темном углу роскошного будуара красавицы Дельфины скалит гнилые зубы нищета, поджидая удобного случая. Все будет спущено за пару месяцев, как только барон Редлих навсегда покинет этот будуар. И его хозяйка мигом скатится на самое дно, в парижские трущобы. Только железная воля барона держала этот роскошный фрегат, дом мадемуазель Бокаж, и саму Дельфину на плаву. А без барона всему конец, налетит ураган кредиторов, и все это великолепие мигом потонет. И грех не воспользоваться самым большим мешком с золотом, когда оно пойдет ко дну.

Глава 4

Когда месье Дидон вернулся в Париж из коммерческого вояжа в провинцию (по его собственным словам), Атенаис попыталась подсунуть любовнику очередной поддельный вексель.

– Котик, я опять наделала долгов, – ласкаясь, сказала она. – Ты ведь заработал немного денежек для своей крошки?

– А ты хитра! – рассмеялся вдруг месье Дидон, внимательно разглядывая вексель. – Прodelывал и я когда-то такие штуки!

– Ты это, котик, о чем?

– О том ловкаче, который это состряпал. Платить-то выйдет дорого, – хитро сказал Индюк, трогая свой огромный красный нос. – Отправляйся-ка ты лучше в долговую тюрьму. А уж я тебя оттуда вытащу, и задешево.

– Как так: в тюрьму? – заныла Атенаис. – Да ведь я там умру!

– Ничего с тобой не будет, – усмехнулся месье Дидон. И вдруг грубо сказал: – Ты здорова, как лошадь, и хитра, как лиса. Запомни: не вздумай *водить за нос* папашу Базиля.

Толстуха вдруг испугалась. «Да тот ли он, за кого себя выдает?» – холодея от ужаса, подумала она. Чутье подсказывало ей, что главное занятие месье Дидона лежит весьма далеко от коммерции. И если его «крошка» вдруг даст понять, что обо всем догадалась, и примется об этом болтать, язык ей быстренько подрежут. Как бы вообще не расстаться с жизнью! Поскольку у толстухи Гаспар имелись кое-какие сбережения, позволяющие ей безбедно встретить старость, жизнь своей она дорожила. Поэтому тут же сменила тон:

– Да я же пошутила, котик! Довольно мне того, что ты мне даешь! Зачем платить долги?

– То-то, – удовлетворенно кивнул папаша Базиль. – Ну а теперь рассказывай: приезжал к тебе этот попугай?

– Какой попугай?

– Твоя подружка, разряженная в пух и прах. Та, что живет с бароном Редлихом.

– А как же! Приезжала! – оживилась Атенаис. – Плохи ее дела. Барон ее скоро бросит.

– Вот как? – Толстухе показалось, что месье Дидон обрадовался.

– Так она, дурочка, влюбилась без памяти! – затрещала мадемуазель Гаспар, как сорока. – Совсем голову потеряла, наивная! Того и гляди, барон обо всем узнает! А дом-то на него записан, не на нее! Я всегда говорила: прежде чем заводить красивых молодых любовников, надобно позаботиться о ренте!

Довольная улыбка мигом сошла с лица ее собственного любовника. Папаша Базиль нахмурился:

– Это в кого еще она влюбилась?

– Представь себе, она чуть не столкнулась с ним, когда он выходил из игорного зала! какой-то русский князь, как она говорит, прекрасный словно греческий бог!

– А как он выглядит? Приметы какие-нибудь есть?

– Фефина говорит, что у него синие глаза. Манеры аристократа, строен, прекрасно одет. Еще он игрок. Кажется, его зовут Серж. Он хочет быть принятым в доме у Дельфины, чтобы иметь возможность играть в карты с богатыми гостями барона. Вроде бы красавчик на мели. А в салоне у Фефины, всем известно, по маленькой не играют! «Они Все-таки встретились, – пробормотал под нос папаша Базиль. – Как некстати».

– Что ты сказал, котик?

– Ничего. Дельфина его любовница?

– Станет она ходить, облизываясь, вокруг такой огромной миски со сметаной! Само собой, крошка не устояла! Да и кто бы устоял? И я бы не вздумала ломаться, когда бы ко мне подбивал клинья такой красавчик!

– А платить за это должен урод вроде меня, – усмехнулся месье Дидон. – Ох, и шкуры же вы, бабы!

– Не расстраивайся, котик. Мужчину делает красивым толстый кошелек. По мне, так ты и есть Аполлон! – сказала толстуха Гаспар, не моргнув глазом.

– Где он живет, этот русский князь?

– На улице Сен-Лазар. Дельфина поведала мне по большому секрету, что сняла там уютную квартирку, чтобы встречаться со своим красавчиком.

– Гм-мм... Улица Сен-Лазар...

«Как же я его прозевал? – раздраженно подумал папаша Базиль. – Должно быть, он в Париже недавно. И сразу – в игорный зал. Там он и подцепил красотку Фефину. И вот уже она сняла уютную квартирку на улице Сен-Лазар. Видать, у него нюх на баб. Сразу нашел, кто будет платить его карточные долги! Графиня Ланина была права!»

– Сегодня я устал... – зевнул месье Дидон и вынул из кармана золотые, похожие на луковичу часы. Атенаис жадно взглянула на новое приобретение своего котика. Непонятно, куда именно тот отлучался, но поездка была в коммерческом плане весьма успешной. – Э-э-э... Пора домой... Будет тебе завтра подарочек, – подмигнул месье Дидон своей любовнице. – Папаша Базиль не скупится, когда с ним ведут честную игру...

Второй удар ждал месье Дидона у графини Ланиной. Его немедленно приняли. Едва войдя в гостиную, папаша Базиль догадался, что дамочка на него сердита.

– Как вы объясните, что вот уже месяц за мной следят шпионы, нанятые бароном Редлихом, а вы ничего не заметили? – требовательно спросила Александра. – Да агент ли вы на самом деле? Может, пирожник? Или башмачник? Как я могу вам и дальше доверять?

«Опять я промахнулся! – папаша Базиль принял простецкий вид. – Надо как-то выкручиваться. А то она выставит за дверь и меня и Терезу. И плакали тогда наши денежки».

– Уж как я не хотел расстраивать мадам, а все вдруг и раскрылось! – он притворно нахмурился и тяжело вздохнул. – Я подумал: барон помается месяцок, а поскольку ответа нет, он и успокоится. Мало ли в Париже красоток? А мадам, коли узнает, потеряет сон. Какой влюбленной женщине понравится, когда ее пожелают отбить? Да еще мужчина, который ей противен! Барон ведь вам противен? – спросил он, подумав: «Вот я и узнаю, что она на самом деле к нему чувствует?»

– Барон – приятный человек, – холодно сказала графиня. – Но мне он безразличен. Я люблю другого, и вы это знаете. Да, мне было неприятно, когда я узнала, что шпионы ходят за мной по пятам.

– А я что говорю! Но ведь вы его *отшили*?

– У меня пропала камеристка. А вместе с ней и дорогие серьги, которые барон прислал мне с букетом. Я чувствую себя обязанной. Мне надо либо вернуть камеристку вместе с пропажей, либо возместить стоимость серег. И пока все не разъяснится, я вынуждена поддерживать отношения с бароном Редлихом, как бы меня это ни тяготило.

«А я что говорил? Вот они – порядочные господа! – тайно усмехнулся папаша Базиль. – Как же легко вами вертеть, коли сам ты непорядочен!»

– Я тоже ее поищу, если вы мне прикажете, мадам, – вкрадчиво сказал он. А сам подумал: «Как же! Найдешь ты свою Веру на дне Сены! И никто не найдет».

– Да. Мне бы этого хотелось, – кивнула графиня. – Я не хочу оставаться у барона в долгу. Он тоже ведет поиски, а я поручаю это вам.

– Как вам будет угодно, – папаша Базиль почтительно поклонился.

– А что господин Соболинский? – требовательно спросила вдруг графиня. – Вы его нашли?

– Видимо, его нет в Париже, – не моргнув глазом, соврал месье Дидон. – Но я землю носом рою, клянусь!

– Хорошо, – кивнула Александра. – Продолжайте поиски.

Перед тем как Тереза закрыла за ним дверь, папаша Базиль, сжав ее руку в своих тисках, называемых пальцами, шепнул:

– Дело на мази. Осталось избавить барона от счастливого соперника.

...Париж времен Июльской монархии был уже совсем не тот, что раньше. В нем стало гораздо больше золота, но на столько же меньше порядка. Он приобрел тот особый шик, который приобретает любой город, куда полноводной рекой льются деньги, но при этом утратил свое благородство. Словно девушка из хорошей семьи, выданная замуж за разбогатевшего лавочника, Париж широко открыл свои двери для людей, которые раньше и близко боялись к нему подойти. Теперь они сидели в парадной гостиной и цинично рассуждали о том, за какую именно сумму хозяйка готова отдаться.

Дворянство постепенно теряло цену, в правительство проникли люди совсем не благородного происхождения, на самый верх социальной лестницы выбились преуспевающие буржуа, лавочники и биржевые спекулянты, а улицы заполонил всякий сброд. Был выдвинут лозунг: «Золота любой ценой! Enrichissezvous! Обогащайтесь!»

Бандиты быстро смекнули, что при таком короле проще побросать свои дубинки и перебраться из лесных хижин в удобные парижские конторы, чтобы безнаказанно грабить народ среди бела дня и уже на основании закона. Надо лишь придумать такие законы, чтобы делать это безнаказанно. И все очень быстро устроилось: одни оказались во дворцах, а большинство в трущобах. Во дворцах пировали и устраивали грандиозные балы, в трущобах же голодали и ненавидели. И уже начинали вспоминать о том, что верховная власть не от Бога, а от Учредительного собрания, которое своим решением может и королю отрубить голову, если эта голова перестала думать о простом народе.

В ответ начались репрессии. На парижские газеты посыпались иски за клевету, отчего эти газеты начали плодиться с невероятной силой, словно на них брызнули святой водой. Чем сильнее было давление на демократию, тем больше находилось способов досадить монархии. Под конец политические митинги стали проходить под видом банкетов, ибо первые были запрещены, а вторые разрешены. Можно сказать, что монархию съели, словно куропатку, сначала зажарили, а потом воткнули в нее нож и разрезали на куски. Из выплунутых костей потом образовался остов Второй империи, но поскольку мяса на них не осталось, она рухнула, едва подул ветерок посильнее, и, упав, рассыпалась уже в прах.

Базиль Дидон когда-то был влиятельным человеком, просто он не успевал за переменами. Да и никто не успевал, настолько они были стремительными. Бывало, что вчерашние кумиры и властители судеб поутру ложились на плаху, и очередная корона, звеня, катилась по окровавленным ступеням эшафота в толпу. Выбор стоял между верховной властью на час, а потом судом и в лучшем случае тюремным заключением, и спокойной жизнью до глубокой старости. Блеснуть, навсегда оставшись в истории и тут же умереть, или жить, не высываясь, долго и относительно счастливо, но так, чтобы потом и имени твоего никто не вспомнил.

Искушение было слишком велико. Власть напоминала перезревшее яблоко, которое упадет, стоит лишь посильнее потрясти ветку, поэтому к нему потянулось множество рук. В многочисленных парижских кафе, на бульварах и в салонах обсуждали теперь только политику, политикой грезил все, даже изнеженные светские дамочки. Каждая из них воображала себя новой Жанной д'Арк.

Папаша Базиль пережил бурную молодость. Он прекрасно понимал, что должен уступить. Его время прошло, и он вынужден был теперь промышлять продажей чужих секретов и воровством. А то и откровенным шантажом. Ему пора уже было на покой, да и свою внебрачную дочку, Терезу, не мешало бы пристроить. Месье Дидон отыскал ее в одном из парижских притонов, там же, где обитала когда-то и ее мать. Несчастную женщину пристрелили в пьяной

драке, Терезу же вырастила хозяйка борделя и, когда пришел срок, выгодно продала несчастную девочку одному разбогатевшему буржуа, раза в четыре старше нее самой. Потом Тереза пошла по рукам, а года через три ее отыскал родной отец, вышедший в отставку и нуждающийся теперь в живом существе, которое скрасило бы грядущую старость. Прошлое девушки папашу Базилья не смутило, он и сам был не ангел. Что с того, если дочка оступилась? Не по своей же вине. С деньгами любая девка – принцесса! Вот почему месье Дидон так ухватился за шанс, предоставленный ему самой судьбой.

Появление соперника спутало ему все карты. Он прекрасно понимал, что русская графиня ни в коем случае не должна встретиться со своим синеглазым демоном. Видимо, этот красавчик имел на женщин поистине магнетическое влияние, раз они все в него влюблялись. Барон получал шанс, только если женщина, которую он так добивался, была свободна. Папаша Базиль уже понял, что эта русская графиня – та еще штучка! И уж точно, она не такая, как все другие дамы из высшего общества. У нее уже был богатый муж, и во второй раз она ни за что не позволит себя продать. Женщина, пережившая все неудобства брака по расчету, будет всю оставшуюся жизнь хотеть любви и только любви. Либо испытает страшное разочарование в ней и превратится в живого мертвеца, позволив делать с собой все, что угодно.

Месье Дидон на это и рассчитывал. Узнав, что ее любимый умер, графиня Ланина примет любовь барона как утешение.

Поэтому в сумерках сыщик отправился на улицу Сен-Лазар...

План его был прост: этот русский должен исчезнуть. Графиня сказала, что он игрок и к тому же якшается со всяким сбродом. А этого сброда на парижских улицах теперь хватает. Неудивительно, если счастливого прирежут после того, как случится крупный выигрыш. Надо только инсценировать ограбление.

«Теперь все приходится делать самому», – ворчал папаша Базиль, пряча нож в кармане длиннополого сюртука. Да, Индюк был толст, но очень силен. Его неуклюжесть была обманчивой. При желании папаша Базиль очень ловко управлял своим огромным телом, и ноги, и руки у него были сильные, словно у атлета, который легко играет на арене цирка пудовыми гирями, забавляя публику. Поэтому месье Дидон и не сомневался в успехе. Эти аристократишки все как один изнеженные, словно женщины. Они даже одеться не могут без помощи лакея! Этому русскому можно было бы просто свернуть шею, словно цыпленку, но лучше, если в его квартире найдут окровавленный нож.

какое-то время папаша Базиль под видом коммивояжера расспрашивал доверчивую хозяйку бакалейной лавки на улице Сен-Лазар. Втираться в доверие к женщинам этот великий мастер маскировки давно уже научился. Русская графиня до сих пор не заподозрила, что ее водят за нос. Ничего не заподозрила и хозяйка лавки, мгновенно выдавшая папаше Базилью все тайны улицы Сен-Лазар. Молодой мужчина, который три недели назад въехал в особняк неподалеку от бакалейной лавки, был очень хорош собой и не мог остаться незамеченным. Что касается красотишки, которая к нему приезжала, то ее наряды затмевали все, что видела до сих пор простодушная бакалейщица в простом полотняном чепце и скромном домашнем платье.

Вскоре папаша Базиль уже знал, что Серж Соболинский занимает несколько комнат на третьем, «благородном», этаже. Из слуг у него только лакей, для поездок в город русский пользуется наемным экипажем или каретой, которую иногда предоставляет ему мадемуазель Дельфина. Чаще всего месье Соболинский приходит под утро, а уходит уже в темноте. Разряженная в пух и прах черноволосая красотишка навещает его днем, с четырех до семи, и никогда не остается ночевать. Сыщик смекнул, что Дельфина всем говорит, будто отправилась гулять в Булонский лес, а сама едет на улицу Сен-Лазар. Понятно, какие «прогулки» она совершает с двух до семи!

Щедро наградив женщину за полученную информацию, месье Дидон отправился к особняку, где свила уютное гнездышко любовь мадемуазель Дельфины. какое-то время он отирался

подле, пока не увидел, как из подъезда вышел лакей. Папаша Базиль тут же направился к нему и по-приятельски спросил:

– А что, твой хозяин дома?

Судя по всему, угадал он верно, потому что лакей важно сказал:

– Мой господин, русский князь, ничего не покупает, сударь.

Видимо, папашу Базиля приняли за очередного навязчивого торговца.

– Ну, так ты не знаешь, что именно за товар я хочу ему предложить! – подмигнул Инддок лакею.

– Уж этот-то товар моего хозяина точно не интересует, – презрительно сказал лакей, прекрасно поняв намек. Торговец-то не просто торговец, а сутенер! – У него женщин, что грязи, тебе такие красотки и во сне не снились! Да и нет его дома, так что не тратьте времени даром, *сударь*.

Это «сударь» было сказано таким презрительным тоном, что папаша Базиль попятился, бормоча извинения. Он узнал все, что хотел. Оставалось дожидаться, пока лакей отойдет подальше от дома.

Побродив для виду по улице Сен-Лазар еще минут десять, сыщик проскользнул в тот самый подъезд, из которого недавно вышел лакей Соболинского, и поднялся на третий этаж. Дверь в квартиру русского была не заперта. Видимо, скоро должен был вернуться сам хозяин.

– Ну что ж... Посмотрим... – пробормотал сыщик, заходя в покои тайного любовника мадемуазель Дельфины.

Надо сказать, красавица постаралась на славу. Деньги барона Редлиха лились рекой. Все здесь дышало любовью и негой, особенно в уютной маленькой спальне, где повсюду были разбросаны изящные безделушки. Надушенные перчатки, элегантная трость с набалдашником из слоновой кости, сплошь изукрашенный драгоценными камнями чубук от кальяна, карманный несессер на золотой цепочке, все содержимое которого тоже было из чистого золота. Папаша Базиль причмокнул от жадности и еле удержался, чтобы не засунуть несессер в карман. Подле кровати лежал коврик из какого-то диковинного меха, подбитый черным атласом. На нем в ожидании своего часа дремали бархатные домашние женские туфельки, настоящее произведение искусства. С резной спинки огромной кровати свисал почти невесомый шарф из розового газа. Это был будуар куртизанки, которая заботится только о теле, и ничуть о душе. Здесь Дельфина всю жизнь наслаждалась жизнью, компенсируя тем самым холодность барона Редлиха.

– Хорошо же вы тут устроились, голубки, – сквозь зубы сказал папаша Базиль и вдруг насторожился.

На лестнице раздались шаги. Слух у месье Дидона был, как у собаки-ищейки, настолько же чуткий, как и нюх, который еще ни разу его не подводил. Русский возвращался то ли с прогулки, то ли из своего очередного набега на парижские казино. Сыщик поспешно спрятался за портьерой и затаился. Его рука сжимала нож так, что пальцы одеревенели.

Он услышал, как Соболинский вошел в квартиру, крикнул лакея и, не услышав ответа, выругался на языке, который был папаше Базилю не знаком. Но то, что это были ругательства, он понял по тону русского. какое-то время тот взволнованно ходил по гостиной, потом направился в спальню. Сквозь щель в портьерах месье Дидон видел, как Соболинский, насвистывая, вошел и какое-то время мерил шагами крохотную спальню, потом поднес к лицу газовый шарф, висящий на спинке кровати, потянул его на себя и тут же с досадой отбросил.

После этого русский развалился в кресле и о чем-то задумался.

«Пора!» – решил папаша Базиль.

Вынув из кармана нож, он набросился на сидящего в кресле Соболинского. Нападавший опоздал буквально на секунду: лезвие ножа полоснуло шелковую обивку кресла. И тут же сыщик почувствовал у себя на шее железные пальцы.

Русский оказался изворотлив и чрезвычайно силен. Заметив опасность, он проворно вскочил и, подставив вместо себя кресло, прыгнул своему противнику на спину. Папаша Базиль захрипел и попытался освободиться. Они упали на пол. Хрипя и ругаясь, они катались по крохотной спальне, то и дело задевая мебель. Сыщик был огромен, и теснота помещения сковывала его движения. Он не мог воспользоваться своей мощью. Он не ожидал от русского такой ловкости и того, что это тело, такое изнеженное на вид, окажется тренированным и сильным. С грохотом рухнуло кресло, чуть ли не к самой двери отлетел изящный столик, с которого посыпались на пол драгоценные безделушки: несессер, чубук, шкатулка с перчатками... Упала и вдребезги разбилась ваза с цветами, обрызгав обоих мужчин водой.

Папаша Базиль все пытался высвободить руку и ударить своего противника ножом. Русский же, навалившись всем телом на эту чрезвычайно опасную для него руку, прижимал ее к полу, одновременно ища что-то, чтобы защититься. Вдруг в глазах у сыщика потемнело: в пылу борьбы ему на шею набросили тот самый газовый шарф. Русскому удалось обернуть его вокруг бычьей шеи своего противника, и теперь Соболинский намотал тончайшую материю на кулак и потянул...

Когда папаша Базиль очнулся, он увидел, что русский сидит в кресле, небрежно поигрывая ножом. Тогда-то месье Дидону и удалось, наконец, рассмотреть это красивое лицо, так сводившее с ума женщин. Еще лет пять назад в нем не нашлось бы ни одного изъяна, но Соболинский вел тот образ жизни, который быстро накладывает свой отпечаток на самые безупречные черты. Веки отяжелели, овал лица немного, но обрюзг, волосы успели поредеть, губы утратили очаровательную припухлость, а щеки – юношескую свежесть. Но у Соболинского был высокий лоб, который не портила даже залегшая между бровей глубокая складка, безупречный нос и глаза того изумительного синего цвета, который встречается в природе чрезвычайно редко. Папаша Базиль вынужден был признать, что слухи несколько не преувеличены. Если женщины так умирают по красавцам, то в лице этого мужчины они нашли свой идеал.

Тут папаша Базиль вспомнил и о железных пальцах Соболинского и застонал. Тот пнул его в бок носком щегольского сапога и почти что ласково сказал:

– А... Очнулся... И что мне с тобой теперь делать?

Месье Дидон ощутил ужас, что с ним не часто случалось. На него в упор смотрели ледяные синие глаза. Как будто он провалился под лед и из смертельной проруби видит бездонное и безжалостное синее небо. Которое все дальше и дальше...

«Ведь он убийца, – невольно вспомнил сыщик. – Теперь я в это верю...»

– Что молчишь? Ты кто? Откуда? Как тебя зовут?

Папаша Базиль хотел что-то сказать, но из горла вырвался лишь невнятный хрип. Шея горела огнем, у сыщика создалось ощущение, что его только что гильотинировали, а потом хирург приставил голову обратно и наспех ее пришил. Но когда пройдет боль, и пройдет ли она вообще, непонятно.

– Что? Говорить не можешь? Ну, так я тебе скажу. – Соболинский поднялся из кресла и навис над папашей Базилем. – Ты ошибся, приятель. Ты думал, это кроличья нора, а это логово леопарда. Кто тебя подослал?

Папаша Базиль замычал и замотал головой, давая понять, что он, мол, сам, один.

– Так ты хотел меня ограбить? – сыщик, держась обеими руками за шею, энергично закивал. – А я-то думал, это барон узнал о проделках своей любовницы, – усмехнулся Соболинский. – Девка хороша, что и говорить, но я вовсе не намерен лишаться из-за нее жизни. Я что-то подобное предполагал...

Соболинский прошелся взад-вперед по комнате. Папаша Базиль все еще не решался подняться с пола. В руках у русского по-прежнему был нож. Небрежность, с которой Соболинский держал оружие, была обманчива. Русский внимательно следил за папашей Базилем и при малейшей опасности метнул бы в него нож. Поэтому сыщик замер, стараясь не делать резких

движений, что могло быть истолковано, как опасность. Расставаться с жизнью ему не хотелось. Вдруг Соболинский остановился и, глядя на своего противника, лежащего на полу, протяжно, с хрипотцой, рассмеялся:

– Боишься меня? Правильно. Я мог бы тебя убить... что-то мне подсказывает, что ты опасен. Но я тебя отпускаю. Видишь ли, мне не нужны проблемы с полицией. Если ты просто вор, то передай другим вора, что при необходимости я без колебаний пускаю в ход оружие.

Соболинский подошел к бюро, положил на него нож, потом выдвинул один из ящиков и показал папаше Базилю дуэльный пистолет.

– Я хорошо умею с этим обращаться, – небрежно сказал Соболинский. Но в этой небрежности таилась такая опасность, что месье Дидону опять стало дурно. Шея заныла. Он понял, что этот русский никого и ничего не боится, и эта тайная сила куда опасней, чем демонстрация силы.

«Мне еще повезло! – подумал он. – Случись это где-нибудь в темном переулке, он бы без всяких колебаний меня пристрелил! Это сам дьявол!»

– Если же ты подослан бароном Редлихом... Впрочем, он прав: стреляться из-за девки – много чести. Мы могли бы договориться полюбовно. Я не претендую на имущество барона, она сама мне навязалась. А я не устоял против соблазна, каюсь. – Соболинский притворно вздохнул. – Но если барону его крошка так дорога, я готов ему ее уступить. Само собой, я потребую компенсацию. Меня вполне устроят наличные. А вообще, мой ему совет: пусть женится и перестанет увиваться за актрисами. Потому что все они будут наставлять ему рога. В постели, как поведала мне очаровательная Дельфина, когда я ее как следует разогрел, барон со всем его золотом не стоит ни гроша. Пусть подыщет себе верную жену, из порядочных.

«Если бы ты знал, насколько близок к истине! – подумал папаша Базиль. – Да только выбор барона тебе вряд ли понравится».

– А теперь ступай, – все так же небрежно сказал Соболинский. – Скоро, я надеюсь, вернется мой лакей, ты ведь не хочешь, приятель, чтобы в довершение всего тебя спустили с лестницы?

Месье Дидон проворно вскочил. Беспрестанно кланяясь, он попятился к двери, боясь повернуться к русскому спиной. Он все еще опасался, что Соболинский передумает. Пистолет, который тот держал в руке, был заряжен, и ничто не мешало русскому пустить его в ход. Ведь квартиру попытались ограбить, а ее хозяина убить.

«Черт возьми! Как же мне повезло! – обливаясь потом, подумал папаша Базиль, когда вновь очутился на улице Сен-Лазар. – Несчастный барон Редлих! Если он и в самом деле без памяти влюблен в эту русскую графиню, плохи его дела! Тут никакие деньги не помогут. И что теперь делать мне?...»

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.